

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

Московский апокалипсис

Николай Свечин

Московский апокалипсис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4897450

Аннотация

Действие книги происходит осенью 1812 года в оккупированной французами Москве. Бывший дворянин Пётр Ахлестышев осуждён по ложному обвинению. Он дожидается в Бутырской тюрьме отправки на каторгу. Петра засадил соперник, князь Шехонский, чтобы жениться на его невесте и завладеть её капиталами. Приход армии Наполеона путает все карты. Ахлестышев бежит с этапа и оказывается в захваченной противником Москве. В городе разгул насилия, мародёрство и грабежи. Ахлестышев с помощью друга-уголовника спасает свою бывшую невесту, а ныне княгиню Шехонскую. Муж сбежал, бросив её на произвол судьбы. Восемь дней они скитаются по горящей Москве, наблюдая все ужасы пожара. Сначала Ахлестышева интересует лишь судьба любимой женщины, он не собирается воевать. Однако бесчинства оккупантов заставляют его взяться за оружие. Пётр участвует в ночной партизанской войне, становится помощником резидента русской военной разведки, занимается дезинформацией Наполеона относительно планов Кутузова. Наконец, французы покидают Москву, но минируют Кремль и пытаются его взорвать. Партизаны спасают русские святыни. Первопрестольная освобождена. Государь за заслуги Ахлестышева отменил приговор и вернул ему дворянство. Теперь он может жениться на любимой женщине. Однако война продолжается. Пётр произведён в офицеры с причислением к секретной службе, и отбывает в действующую армию.

Содержание

Глава 1 «Побег».	4
Глава 2 «Первая кровь».	17
Глава 3 «Волчья долина».	31
Глава 4 «Московский апокалипсис».	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Николай Свечин

Московский апокалипсис

Глава 1 «Побег».

2 сентября 1812 года¹ арестант Пётр Ахлестышев проснулся рано. Свет в зарешёченном окне едва брезжил. Остальные узники ещё спали. В камеру, рассчитанную на двенадцать человек, набили почти тридцать. Люди лежали под нарами, на полу в проходе и даже возле порога. Вчера прошёл слух, что армия отступает, и Наполеон вот-вот придёт в Москву. Губернский тюремный замок – известная Бутырка – был переполнен. В замок свозили арестантов из других городских тюрем, а также из западных губерний, захваченных уже неприятелем. Опытные колодники разнюхали, что всех сидельцев Бутырки пешим ходом отправят не то в Рязань, не то в Нижний Новгород. Люди были возбуждены этими слухами; камера едва уснула под утро.

Ахлестышев тоже переживал. Неделя, как ему зачитали приговор и заковали в ножные кандалы. Столбовой дворянин, бывший геттингенский студент, небогатый помещик и сибарит – теперь каторжник. Отверженный, вышвырнутый из общества и помещённый к отбросам. Шпагу над головой в суматохе сломать ещё не успели², не обрили голову и не наложили на лицо клейм – ну, так сделают это в Нижнем. Неужели всё? Так и помереть на этом зловонном дне? Или война вдруг перепишет судебные приговоры? Есть над чем подумать пропадающему человеку...

Арестант был молод – двадцати пяти лет от роду. Темноволосый, с короткой, начинающей отрастать бородой, он ничем не выделялся бы из толпы. Тонкое сложение при высоком росте выдавало бывшего барина. Глубокая складка между бровей указывала, что человек хлебнул лиха. Во всём остальном наружность Ахлестышева представлялась самой обыкновенной. Некогда холёное лицо выглядело сейчас вполне заурядно. Вот глаза были особенные: умные и сосредоточенные. Такие глаза встречаются у людей думающих и сильно чувствующих. И ещё виделась в этих глазах потаённая, ставшая уже привычной, тоска.

Неожиданно Пётр поймал на себе чей-то взгляд. От порога на него смотрел вчерашний новенький. Под вечер в камеру привели ещё двоих: его и неприятного надутого поляка. Рослый, русоволосый, с трёхдневной щетиной на чистом лице, этот человек назвался камере Василием Ивановым, клинским мещанином. Понимающие люди только хмыкнули. И манеры, и осанка выказывали в новичке бывшего офицера. Но если хочется его благородию называться мещанином – так и пусть. Видать, причины на то имеет... Однако уголовным новенькие – материал для жестоких забав, и Василия Иванова тут же взяли в оборот. Стёпка Дырявый, вор из свиты Лешака, не прождал и минуты. Подошёл к «мещанину», дёрнул его не авантажно за рукав и потребовал:

– Ну-кось, покажи, что у тебя в карманах-то. И кафтан сымай, не по чину он тебе.

– Зачем ещё? – нахмурился новенький.

– А обычай таков. По всем тюрьмам эдак, и все подчиняются, никто не ропщет. Потому, начнёшь роптать – хуже станет.

– Какой ещё обычай? Пошёл к чертям, дрянь-человек!

– Обычай знатный, – усмехнулся Стёпка беззубым ртом (выбили в драках). – Мы, фартовые, завсегда вас, чухлому, доить должны. На вроде как коров али коз. Так что зенками

¹ Все даты в книге даны по старому стилю.

² Лишение дворянства сопровождалось гражданской казнью, при которой над головой осуждённого ломалась шпага.

мне тут не крути, и шифтан³ без разговоров скидай, если бока твои тебе дороги. Говорю: обычай, по всем тюрьмам один. Попала собака в колесо: визжи, а бежи!

– По какому праву обычай? Ты сам его придумал, что ли?

– Э-э-х... Талдычишь тебе, талдычишь, а не в прок. Последний раз разьясняю, потому вижу, что неучёный. Слушай и запоминай. Мы – каторжная соль. А вы, которые сюда попали от сохи на время, у нас заместо прислуги. Захочу я тебя в порошок стереть, и не будет мне в том препятствий. Так, брат, тюрьма устроена. Вот. Сперва ты меня повози, а потом я на тебе поезжу. Выворачивай карманы, покудова моё величество не осерчало...

– Это я сейчас осерчаю, – ответил «мещанин», нимало не тушуясь. – Отец мой не кланялся и мне не велел. Пошёл отсель, пёсья лодыга, со своими обычаями!

– Ба, да мы гордые! – прыгнул с нары военный дезертир Точилов. – И видать, в карманах чего есть, раз отдавать не хочет. Подержи-ка его, Стёпка, а я обыщу.

Дырявый схватил упирающегося новичка за плечи, а Точилов достал маленький арестантский нож – жулик. Однако «мещанин» оказался не из пугливых. Ударом сапога в причинное место он опрокинул дезертира на пол, а Стёпку, изловчившись, сильно хватил спиной об печь. Озадаченные отпором, уголовные побежали в соседнюю камеру за подмогой и вскоре вернулись уже вчетвером.

– Вот, ребята, энтот вельзевул добро не даёт, – указал на смельчака Дырявый. – Тих, да лих! Надо его на куски порвать. Наука чтоб.

Положение новичка сделалось безвыходным. Он прижался к стене, выставил кулаки, но с четверыми как совладать? И Ахлестышев, которому понравилась храбрость незнакомца, скомандовал из своего угла:

– отошли от человека!

Уголовные недовольно оглянулись: откуда там защитник выискался? Только-только веселье начинается...

– Слышь, барин, – оскалил гнилые зубы один из жиганов, – ты бы не лез в чужую похмель. Неровён час, что случится.

– А он не барин, его лишили! – радостно пояснил Точилов. – Теперь такой же каторжный, как и мы.

– Ну, – рассудительно пробурчал второй жиган, – значит, и спрос, как со всех. Бери его в оборот, ребята!

Саша-Батырь за спиной Ахлестышева приподнялся и тихо спросил:

– Пора?

Пётр молча кивнул. Огромный детина прыгнул с нары и подошёл к уголовным. В камере сразу стало темно и тесно. Казалось, гигантская фигура Саши заполнила собой всё свободное пространство. Драчуны тут же притихли... Батырь взял двух пришлых за грудки и просто выкинул наружу, словно котят. Потом ухватил зачинщиков, посмотрел на Ахлестышева:

– Петь, а с этими что делать? В парашку макнуть стервецов?

– Не надо; всю камеру завоняют. Поучи дураков, как на чужие карманы зариться. Только не калечь...

Получив по паре увесистых затрещин, вор с дезертиром убежали от греха подальше в коридор. А новенький поклонился своим заступникам и каждому церемонно сказал:

– Благодарю!

– Старайтесь не отходить от нас далеко, – посоветовал ему Пётр и отвернулся к стене. После приговора он почти не разговаривал, и уж точно не хотел ни с кем заводить знакомств.

---

³ Шифтан – кафтан, армяк (жарг.)

Вечер завершился без происшествий. Фартовые, получив трёпку, вернулись лишь перед отбоем. Напуганные, они не стали трогать и поляка. Тот держался особняком, не представился соседям и вообще глядел волком. На ночь староста камеры велел ему располагаться возле параша, а смелого мещанина положил к порогу. Согласно арестантским законам, вновь прибывшие получают самые плохие места. Потом, по мере выслуги превращаясь в старожилов, они станут передвигаться с пола на нару и от двери к окну. Лучшие места в камере – у окна возле печи, сейчас их как раз занимали Ахлестышев и Саша-Батырь. Василий Иванов, или как его там, безропотно положил голову на порог и скоро уснул. Вот молодец, подумал Пётр: и храбр, и нервы в полном порядке, а тут...

Поймав теперь взгляд новичка от двери, он вдруг сообразил, что тому холодно и неуютно, и махнул приглашающе рукой:

– Перебирайтесь сюда.

Мещанин, осторожно перешагивая через лежащих, приблизился. Ахлестышев подвинулся, освобождая ему место на нарах.

– Садитесь. Следующую ночь спать будете здесь. Если не угонят... Саша, конечно, медведь, но зато не холодно. Поместимся как-нибудь.

– Спасибо.

– Не обижайтесь на меня, что я давеча отвернулся. Настроение ни к чёрту. В каторгу идти без греха... Ну да ладно. Давайте знакомиться: Ахлестышев Пётр Серафимович. Лишён прав состояния и приговорён к двадцати годам каторжных работ за убийство отставного бригадира Повалишина с супругой и слугами. Чего я, разумеется, не совершал... Здесь каждый скажет вам, что он не убивал и не грабил, а сидит зазря. Но в моём случае это правда. А вы кто будете?

– Василий Иванович Иванов, клинский мещанин, – ответил новичок с едва заметной запинкой.

– Да неужели? – усмехнулся Пётр. – А по-моему, вы офицер. И сюда помещены военным начальством. Видимо, вам поручено остаться в Москве, когда в неё придут французы.

– Для чего же?

– Чтобы вести разведку.

«Мещанин» покраснел и огляделся украдкой по сторонам – не слышит ли кто их разговора. Но все вокруг ещё спали. Понизив голос до шёпота, он сказал:

– Прошу вас никому не высказывать вашу догадку. Неужели это так заметно?

– Для того, кто умет думать и наблюдать – да.

Офицер помолчал, потом пояснил виновато:

– Всё делалось в такой спешке... Никто не предполагал, что Москву отдадут. А что именно, позвольте узнать, меня выдало? Может быть, мне удастся это изменить...

– Вы теперь должны постоянно держать в голове ваши манеры. Не забывать о них ни на секунду. А выдают вас, во-первых, прямая спина и уставный шаг.

– Это я могу! Ссутулюсь и начну семенить ногами. А во-вторых что?

– Во-вторых, у вас повадка человека с чувством собственного достоинства. А у мещан это не очень принято.

Разведчик долго молчал, обдумывая услышанное, потом сказал:

– Извините, Пётр Серафимович, что я не могу назваться вам настоящим именем.

– Понимаю. Ну, пусть будет то, что вам присвоили.

– У французов всюду шпионы. Поляк, что пришёл со мной, возможно, один из них.

Паспорт у него фальшивый.

Ахлестышев повернулся к параше, прислушался.

– Кажется, спит по-настоящему.

– Дай бог... Вот ещё что хочу сказать. Завтра... точнее, уже сегодня, вас поведут этапом в Нижний...

– Говорили, что в Рязань.

– В Нижний. Всех арестантов Бутырского замка. Из долговой тюрьмы и рабочего дома велено отпустить, а серьёзных приказано отослать из Москвы. Я же останусь здесь – обо мне сделано смотрителю секретное распоряжение. И... прошу меня простить, но сейчас я ничего не смогу для вас сделать. Война.

– Что вы имеете в виду?

– Пересмотр вашего дела. Не до этого сейчас начальству, а у меня задание, из которого и живой могу не вернуться. Но ежели вернусь, то обещаю...

Пётр, не дослушав, перебил собеседника.

– Я от вас, милейший, и не жду ничего! Мне конец, дело решённое. Там так поработали, что ничего уж не переменить.

– Кто?

– Мои недруги. И улики подбросили, и самовидцев нашли. Всё сходится так, будто это я дядюшку придушил, чтобы наследство получить.

– Мне очень жаль. Не сомневаюсь, что вы говорите правду. Но сейчас война, понимаете?

– Конечно.

– Как только...

– Василий Иванович или как вас там! – резко, уже второй раз, оборвал офицера Ахлестышев. – Вы словно оправдываетесь. Тут не ваша вина и не ваше дело. Оставим этот разговор!

– Ну, хорошо, – примирительно сказал собеседник. – А кто тот силач, что давеча мне помог?

– Саша-Батырь. Подстражный⁴. Из уголовных, в Волчьей долине кистенём промышлял. Но при этом приличный человек. Как говорят в народе: не из таких, чтобы грабить нагих. Бывший наш крепостной.

– Он при вас, кажется, на вроде оруженосца?

– Саша мой товарищ, – серьёзно ответил Ахлестышев. – Мы дружим с детства. Я, сколько себя помню, всегда с ним. Игры, рыбалки, озорство – всё вместе делали. А когда он стал парнем, влюбился в старостину дочку. Фамилия его была на деревне уважаема, и Саша надеялся на положительный исход. Неожиданно староста его избранил, отказал и выгнал. А там чувства! Саша ночью полез к любимой в окошко, объясниться хотел. Видать, нашумел... Отец услышал, разбудил двух сыновей, взяли они рычаги и ворвались. Состоялась драка. Вы вчера парня в деле видели и должны догадаться, чем кончилось.

– Побил?

– Как есть. Всех троих. Отцу голову зашиб сгоряча, а сыновей просто помял. Ну и... Папенька велел Сашу заковать и отдать не в очередь в рекруты.

– И вы ничего не могли, видимо, поделать...

– На коленях умолял! Но мне было сказано, что староста отменно ведёт наше скромное хозяйство, и благополучие семейства зависит от его усердия. Поэтому нанесший ему такую обиду должен быть наказан.

– Так Батырь – дезертир?

– Нет, забрить лоб ему не успели. Нам с Сашей тогда было по шестнадцати лет, и я не мог предать друга. Ночью залез через крышу в конюшню, где его держали. Сбил колодки, отдал все деньги, что у меня были скоплены, и благословил в дорогу... Беглеца искали и не

---

⁴ Подстражный – подследственный.

нашли. А четыре месяца назад я угодил сюда. Пока шло следствие, содержался в Полицейской башне, в дворянской камере. А как лишили меня прав состояния и перевели в общий корпус, тут и началось...

– Уголовные? То, что со мной вчера?

– Да. Здесь свои порядки. Бутырским тюремным замком правит «иван» по кличке Лешак. «Иваны» среди уголовных – высшая аристократия, на вроде столбовых дворян. Они всем заправляют, и их приказы исполняются быстрее распоряжений смотрителя. Лешак же знаменитая личность, из самого цвета преступного сообщества. Весь в крови! Был на Волге атаманом разбойничьей шайки. Попался, приговорён к каторге на Иркутской суконной фабрике. Бежал. Три года гулял по Московской губернии, живых свидетелей старался не оставлять. Опять попался и находится теперь под следствием, которое ловко затягивает. Лешак жуткая личность, даже тюремная стража боится его, как огня. А тут явился барин... Не битый, не пуганый. Для уголовных это большое развлечение. Не знаю, что бы они со мной сделали, знаю, что сделал бы я. Удавился бы, не выдержав унижений. Но этого не случилось. Только лишь варнаки начали меня задирать, как из соседней камеры случайно появился Саша-Батырь. Обнял друга так, что чуть скелет не сломал! Это был подарок судьбы... Благодаря Саше я ещё жив.

– Один человек сдержал всю шайку Лешака?

– Драться с Батырем дураков нет. Были сначала, да быстро повывелись. Он запросто может отлупить десяток крепких мужиков! И никого не боится. А смелость в тюрьме самое главное.

– Понятно. Но почему вы не в цепях, если вас приговорили к каторге? И голова не обрита...

– Обрить пока не успели, а цепи навесили. Но Саша их снимает.

– Как снимает?

– Руками. Звено разгибает, и всё! Дважды в день опять надевает, на утреннюю и вечернюю поверку. Там начальство ходит, следит... А днём на этаже только надзиратели, они молчат.

Постепенно за разговорами наступило и утро. В коридоре послышались шаги, повернулся ключ в замке и в дверь просунулась лохматая морда стражника:

– Подъём! Оправка! Через полчаса построение!

Арестанты, с трудом отходя ото сна, стали подыматься. Началось обычное тюремное утро. Дежурные потащили парашу, кто-то крестился (в каждой камере на стене есть икона), кто-то бранился. Ложный мещанин, следуя совету Ахлестышева, держался рядом с ним и его могучим приятелем. Втроём они сходили в отхожее, кое-как умылись из глиняного ручной мойника. Батырь одним движением плеча раздвинул очередь желающих освежиться. Пётр пояснил новичку, что без участия Саши воды на них не хватит...

Затем раздалось «на поверку». Арестанты вытянулись в три шеренги во весь коридор. Ахлестышев с Сашей, в наспех подвешенных кандалах, заняли свои места. Старосты пересчитали по камерам, доложили старшему старосте, тот – коридорному надзирателю, последний – помощнику смотрителя. У всех получилась одна цифра – 627 человек. Смотритель всё не шёл. Толпа гудела вполголоса, рассуждая о предстоящем этапе.

– Вон, смотрите, – Пётр тронул соседа локтем. – В строю первой камеры высокий детина с седой бородой. Это и есть Лешак.

Офицер всмотрелся в «хозяина Бутырки». Один глаз с бельмом, выражение второго очень уж нехорошее.словно человек прикидывает, как бы ему половчее тебя удавить... Вокруг «ивана» толпилось до дюжины варнаков с отчаянными физиономиями – свита. Вели они себя развязно, но стражники их не одёргивали.

Наконец прозвучала команда, и шеренги застыли. Быстро вошёл смотритель замка, плешивый колченогий поручик. Крикнул от дверей:

- Трубочисты есть?
- Есть, – ответили из строя.
- Выходи!

Три человека выступили вперёд.

- В распоряжение следственного пристава Яковлева!

«Мещанин» вдруг увидел, как у Ахлестышева самопроизвольно сжались кулаки, а по лицу пробежала судорога.

- Что случилось? – спросил он шёпотом.
- Яковлев... – процедил Пётр сквозь зубы. – Это он фабриковал моё дело...
- О нём идёт молва как о большом мошеннике.

Ахлестышев молчал, с ненавистью глядя в угол. Там высокий господин лет тридцати, безвкусно одетый, что-то объяснял трубочистам. Потом отослал их движением руки и пошёл вдоль строя. Поравнялся с Петром, остановился и злобно осклабился.

- Ахлестышев? Почему не в Сибири? И голова не обрита. Эй, поручик!

Подбежал смотритель тюрьмы.

– Так что, не успели пока, – пояснил он. – Палач захворал один, а второй запил. Ведь у меня таких семь сотен! Тут ещё Бонапарт... Но в Нижнем Новгороде обязательно обреем и клейма наложим!

Пристав скривился.

– Под личную ответственность! И учтите: это опасный убивец. Самый строгий надзор! В Нижнем долго не держать, немедля услат в Нерчинск, о чём рапортом доложить московскому обер-полицмейстеру.

– Слушаюсь.

- Смотри у меня, каналья! – Яковлев погрозил Петру кулаком. – Ты на особой заметке!

И пошёл дальше. Поравнялся с Лешаком, взял его за рукав и отвёл к окну. Там сыщик и уголовный о чём-то долго разговаривали. «Мещанин» с удивлением заметил, что общались они весьма дружески. Лешак даже, смеясь, похлопал пристава по животу. Наконец Яковлев кивнул собеседнику и ушёл. Лешак же вальяжно вернулся в строй и сказал своим что-то такое, отчего варнаки одобрительно загудели.

Проверка закончилась, и арестанты вернулись в камеры. Ахлестышев был бледен и задумчив. Он отвернулся от расспросов, лёг на нары лицом вниз и долго молча лежал. Саша-Батырь осторожно снял с него цепи и пошёл к майданщику за чаем. До двух часов пополудни никакой еды сидельцам не полагалось. Узнав об этом, офицер дал Саше двугривенный, и тот принёс три кружки с подслащённым чаем и три больших булки. А ещё новости.

– Слышь, Пётр, – тронул он своего бывшего помещика за плечо. – Лешак, бают, в Москве остаётся.

– Как в Москве? – сразу же сел Ахлестышев. – Нас всех этапом, а он при французах квартировать?

– Ага. Яковлев так велел. Будто бы по приказу самого генерал-губернатора Москвы графа Ростопчина.

– Вот это любопытно. А с какой целью?

– Кто же скажет, – пожал могучими плечами налётчик. – Особый урок⁵ у них, говорят. Секретный.

– Ха! Сейчас мы их секреты в два счёта разгадаем. Трубочистов ведь тоже Яковлев увёл?

---

⁵ Урок – задание, поручение.

- Он.
- А скажите-ка мне, господин клинский мещанин, – обратился Пётр к разведчику, – для чего полиции в день бегства понадобились вдруг трубочисты? Печь где-то засорилась? Тот подумал секунд тридцать, потом ахнул.
- Боже мой, неужели? Но ведь это же невозможно!
- Отнюдь! На Ростопчина очень даже похоже.
- Тщеславный безумец! Он же весь город спалит!
- Батырь недоумённо слушал этот диалог и, наконец, рассердился.
- Эй, ваши благородия, так-растак! Объясните простому человеку, чего вы поняли! Ахлестышев наклонился к приятелю и сказал вполголоса:
- Трубочисты, скорее всего, нужны для закладки в печи взрывных зарядов.
- Да ну! А пошто?
- Чтобы дома загорелись.
- Не могёт быть!
- Могёт, Сашка, ещё как могёт. Ты только представь: огромный город. Пустой. Власти все убежали. Дома стоят без прислуги, лавки без сторожей. И полиции нет.
- Ух ты! – впечатлился налётчик. – Меня бы туда!
- ...Придут французы, среди них тоже полно всякого сброда. Такое начнётся! И никто ни у кого отчёта потом не потребует – война! А тут Лешак со своими людьми. Чуешь, чем пахнет? Полагаю, власти оставляют уголовных для диверсий.
- То-то этот гад бельмастый попользуется, – с завистью сказал Саша. – Уж он не рас-теряется, пограбит на совесть. Будет им диверсия!
- Кому, французам? – рассердился офицер. – Там вояки такие, что всю Европу в повиновение привели. А уж вашего Лешака... Это получится диверсия против мирных обывателей!
- А Ростопчину всё равно, для него люди быдло, – пояснил Ахлестышев. – Лишь бы вышли беспорядки. Глядишь, и из французов кого зацепят. А так, конечно, своих обчистят. Сгорит полгорода, и множество людей погибнет, а графу – патриотический поступок!
- Пётр Серафимович, я правильно понял ваши догадки? Ростопчин дал задание полицейским чиновникам устроить в Москве партизанскую войну. Руками уголовных. Так?
- Очень похоже, что так. А Яковлев, сволочь, под шумок и сам пограбит. В свободное от партизанской войны время. Имея в подручных Лешака, и карт-бланш от правительства на вседозволенность. Представляете, что будет?
- Петь... – нерешительно начал Батырь. – А как бы и нам тоже... в этой... как её?
- В партизанской.
- Во! В партизанской войне поучаствовать. А? Такой случай! Заходи в любой дом и бери что хошь!
- Французы вот-вот явятся, недолго твоё счастье продлится.
- А! Французы – пустяк; я их не трону, а они меня. Москва большая, на всех хватит. Там такая суматоха! Васька Безносый сказал: драпает народ. Все заставы забиты. И баре, и дворян, и купцы с мещанами. Раненых страсть сколько в Москве оставили, так те пешком уходят, чуть не ползком. А пожарные ещё вчера сбежали, и трубы увезли.
- Трубы увезли? – поразился Ахлестышев. – Да... Я прав в своей догадке. Всё, конец Москве!
- Негодяй! Ему лавры Нерона покоя не дают! – вскричал «клинский мещанин» так громко, что на них стали оглядываться. – Из-за амбиции погубить Первопрестольную! Мне надо срочно доложить об этом военному командованию!
- Военные раньше всех смылись, – утешил его Саша. – Насквозь Москву прошли, обывательские повозки растолкали – и ходу. Только пятки сверкали!

Офицер смутился. Пётр добил его окончательно.

– А вы сами-то, господин шпион, с какой целью тут оставлены? Почему вас просто не поселили на какой-нибудь квартире, в партикулярном платье? Зачем такие сложности?

– Ну... так решило начальство. Мне поручено смешаться с уголовными и вести наблюдение за обстановкой в городе. Среди обывателей французы подозревают наших агентов, а среди этого сброда предполагается, что не станут. У меня и бумаги с собою. Замешан в воровстве и прислан сюда из Клина на дознание.

– Это что же получается? – возмутился Саша-Батырь. – Все здесь остаются, одни мы в этап идём? Не, я так не согласный!

– Успокойся, Саша, мы тоже задержимся, – ободрил силача Ахлестышев. – Зачем мне в Нижний плюхать? Чтобы меня там обрили и клейма на лице выжгли? Чёрта с два!

– Так ведь нас Яковлев не благословил. И секретного распоряжения, как вот про их благородие, тоже никто не сделал. Как же мы задержимся? Закуют по четверо в ряд, караул с боков и марш-марш! Или мы с этапа убежём? Примером, с ночёвки?

– Бежать, Саня, надо в самую суматоху. Тогда никакой караул не уследит. Семь сотен арестантов! Ты сиди пока тихо и слушайся меня во всём. Я скажу, когда пора настанет. А из замка выйдем да по Москве двинемся, тут и спроворим.

Налётчик довольно ослабился.

– Вот такой разговор мне по душе! За твоей головой, Петь, я как за каменной стеной; во всём слушаться обещаю! Ну, пойду, ещё чего разнюхаю...

И ушёл. А офицер, осмотревшись в очередной раз, сказал чуть слышно:

– Позвольте теперь, Пётр Серафимович, представиться по-настоящему. Гвардейской артиллерии штабс-капитан Ельчанинов Егор Ипполитович.

Ахлестышев молча поклонился.

– Я слежу за вами со вчерашнего вечера и проникаюсь всё большим уважением. Без лести: у вас аналитический склад ума и большая наблюдательность. Как быстро вы раскрыли мою маскировку! А выводы насчёт трубочистов и шайки Лешака? Убеждён, что и здесь вы не ошиблись. Поступайте под мою команду, а? Мне нужны толковые помощники – один в поле не воин. Ваше же содействие армии в столь трудный для неё момент будет оценено. И даст вам право обратиться к государю с просьбой о помиловании и возвращении прав состояния.

Кровь бросилась арестанту в лицо.

– Просить о помиловании? В чём? В том, чего я не совершал?

– Но ведь вы уже осуждены! Я говорю лишь о формальной стороне дела.

– Да, государство обратилось со мной, как с ветошью. Ещё оно дало власть мошеннику Яковлеву и тому судье, что вынес облыжный приговор. Вы предлагаете мне теперь защищать такое государство?

– А вы не путайте государство с Отечеством. Идёт война, тут не до личных счётов. Страшный враг напал на нас и завтра будет в Москве. Прольётся много русской крови. Совесть вам ничего по этому поводу не подсказывает?

– Эх, штабс-капитан... – горько вздохнул Ахлестышев. – Какая может быть совесть у каторжного? Меня лишили её вместе с дворянством. И знаете, за что? Всего лишь за любовь.

– На каторгу – за любовь? Вы что, действительно убили? Из ревности?

– Нет, никого я не убивал. История моя самая заурядная; не знаю, зачем я её вам рассказываю. Но уж начал говорить, так слушайте.

Я безумно любил одну женщину. Впрочем, почему в прошедшем времени? Я и сейчас её люблю. Ольга Барыкова... Как музыка... И она, представляете, отвечала мне взаимностью! Мы довольно быстро выяснили, что жить друг без друга не можем. Казалось бы – рай на земле! Ан нет.

– Вы имеете в виду Ольгу Владимировну Барыкову? Из миллионного рода?

– О! Вот вы сразу и догадались! – желчно воскликнул Пётр. – Тоже имеете аналитический склад ума? Да, Ольга Владимировна из того самого рода. Единственная наследница. Двадцать тысяч душ крепостных, чугунолитейные заводы... Мне-то до этого не было дела, я любил Ольгу не за богатство. Но до него было дело князю Шехонскому.

– Шехонский? Которого выгнали из конногвардейцев за нечестную игру?

– Тот самый.

– Встречал его в Петербурге: редкий проходимец.

– В самую точку сказано. Так вот, сей картёжник решил поправить свои дела женитьбой. Чтобы было чего спускать за зелёным столом, а то уж поиздержался... И начал осаждать дом Барыковых. А ему говорят: есть уже у барышни жених, Пётр Ахлестышев. Не богатый, но из хорошей фамилии, и скоро свадьба! Я, так вышло, устраивал родителей Ольги. Капиталы мои их не интересовали, у самих денег куры не клюют. Зато привлекали родственники в столице: один – сенатор, другой – прокурор. А у Барыковых с их бесчисленным имением всегда имелось в судах несколько тяжб, и они надеялись на новое свойство⁶. Так что, с помолвкой затруднений не возникло: наша любовь совпала с их расчётом. И чуть было мы не обвенчались, как вдруг Владимир Матвеевич скоростижно скончался от удара. Понятно, свадьбу на год отложили: траур. Тут-то и началось. Шехонский нанял вот этого самого Яковлева, а тот привлёк уголовных. Они все у него на ладони и рады услужить... Интрига против меня развивалась скоротечно. Работали профессионалисты. А я ничего не подозревал... И лишь торопил календарь, чтобы скорее прошёл этот год. Наивный дурак! И вот однажды за мной пришли. Прямо туда, на Остоженку, в особняк Барыковых. Я ж там все дни проводил... И увезли, у Ольги на глазах. Я сначала думал – чья-то злая шутка. Потом – ошибка. Вот-вот разберутся, и я побегу опять к ней. А кончилось всё лишением прав состояния и двадцатилетней каторгой. Матушкин брат, отставной бригадир Повалишин, был зарублен топором в собственной постели. С ним вместе погибли его супруга и ещё три человека дворни. Всё это исполнил Лешак, которого вы наблюдали утром...

– Лешак? «Хозяин Бутырки»? Но откуда это вам известно?

– Тюрьма всё знает. Да «иван» и не скрывал, сам бахвалился. И потом, вы же видели, какая у них с Яковлевым дружба!

– То есть, множество людей извещены, что вы не убийца, что вас обвинили ложно – и молчат?

– Да. Но кому, кроме меня, есть до этого дело? А тут дали большие деньги, и колесо закрутилось. Сработали Яковлев с Лешаком чисто: и улики подготовили, и свидетелей. В той бойне «спасся» лишь лакей – и показал на меня! Всё было, как в кошмарном сне... Помню, когда я впервые услышал обвинение – рассмеялся. Это было в кабинете обер-полицмейстера Ивашкина. Стою, смеюсь, ушам своим не верю... Тут Яковлев погано так улыбается, достаёт из кармана платок, разворачивает и показывает. А в платке – тётушкино ожерелье из розового жемчуга. Найдено у меня в бюро, в присутствии понятых! Что я после этого мог доказать, скажите, что?

Ахлестышев в ярости хватил кулаком о стену, охнул и затряс отшибленной рукой. Потом, несколько успокоившись, продолжил:

– Они продумали до мелочей, и была круговая порука. Лакей Повалишина, мой камердинер – все были куплены. Камердинер потом удавился, или от него избавились, как от опасного свидетеля. Было заявлено, что я нуждался в деньгах для свадьбы, просил у дяди в долг, но тот отказал. И тогда я-де и зарубил старика, поскольку являлся его наследником и знал смысл завещания. Знатная родня в столице, сенаторы с прокурорами, сразу отвернулась. Пальцем о палец никто не ударил! А матушка, как узнала об аресте и страшном обвинении

⁶ Свойство – родственные отношения, установленные через брачные союзы.

– слегла. Она умирает сейчас в симбирской деревеньке, в тоске за сына. Когда ей сообщат о приговоре, это убьёт её окончательно. А Ольга... Ольгу взяли в крепкий оборот. Как только следствие объявило мою вину доказанной, Шехонский явился на Остоженку. Торжественный и важный. Заявил, что пришёл спасти Ольгу Владимировну. Её репутация погублена – она чуть не обвенчалась с убийцей. И неизвестно ещё, до чего у нас с ней дошло... Но князь благородно не интересуется этим щекотливым вопросом и, так и быть, готов взять опозоренную барышню в жёны. (А скандал, действительно, получился ужасный). Я полагаю, на Ольгу был произведён серьёзный натиск. Родственники стали заодно: или стыд на весь белый свет, или делайся княгиней. Чего, мол, тут выбирать? Выбор ясен. И... месяц назад они повенчались. А теперь скажите, Егор Ипполитович: до Отечества ли мне сейчас?

Ельчанинов сочувственно кивнул:

– Извините, я не знал ваших обстоятельств. То, что вы рассказали – ужасно. Я не знаю, как вам помочь...

– Снова вы одно и то же! Никто не сможет мне помочь. Жизнь поломана безвозвратно. Но и в каторгу не пойду! Завтра мы с Сашей сбежим. В суматохе откроется момент, когда будет не до нас – и зададим лататы. Как выражаются люди моего нового общества... Там расстанемся. Саша пойдёт грабить, а я – на Остоженку. Хоть подышу тем воздухом, которым дышала она... А потом исчезну. В Москве будет полный бедлам; беглый каторжник никого не заинтересует. Доберусь до Симбирска, повидаясь с матушкой, если успею. Дальше пока не знаю. Может, подкараулю Шехонского и убью его, как собаку. Дуэль с ним для меня теперь невозможна – значит, прикончу без секундантов. Потом запишусь в полк солдатом, под чужим именем. Хоть умру за Божье дело...

На этом беседа закончилась. Арестанты слонялись туда-сюда, этаж гудел, как растревоженный улей. Ельчанинов старался не выходить из камеры. Вчерашний поляк, наоборот, где-то постоянно пропадал. Он нашёл нескольких своих соотечественников, и те, видимо, дали новичку защиту.

Неожиданно на пороге возник Саша-Батырь и громко заявил:

– Скоро уходим! Сведения точные. Похарчимся, и в поход!

Все сразу засуетились, начали собирать жалкий арестантский скарб. Прибежал майданщик⁷, нанимать носильщиков для своих запасов. Штабс-капитан отправился разыскивать смотрителя – ему пора было освободиться из тюремного замка. Вернулся он быстро и растерянный.

– Ничего не понимаю! Надзиратель отказался звать начальство, и грубо меня прогнал. Вероятно, секретное распоряжение передали из острога в конвойную команду. Как станут выводить – разыщу его там.

Ахлестышев при этих словах лишь покачал с сомнением головой.

Вскоре выяснилось, что никакого обеда не будет. Старосты торопливо разносили по камерам сухари. Арестанты, взволнованные и угрюмые, сидели на котомках и ждали. Наконец прозвучала труба. Тюремные стражники встали в Сборном корпусе в две шеренги с саблями наголо. Сидельцы мимо них камера за камерой выходили на улицу. Перед Фланкированными башнями они выстраивались в одну длинную шеренгу. Вокруг редкой цепью с ружьями наизготовку рассыпались пехотные солдаты вперемешку с ратниками.

Ахлестышев радостно обратил на них внимание Саши-Батыря:

– Смотри! Крестьянские парни, рекруты бестолковые. Какие из них караульщики? Настоящих-то солдат и трёх десятков не наберётся. Это команда из ополченского полка!

– Я сейчас объяснюсь и заберу вас с собой, – пообещал Ельчанинов и сделал шаг из строя. К нему со свирепым лицом кинулся седоусый унтер.

---

⁷ Майданщик – арестант, ведущий в тюрьме разрешённую торговлю табаком и съестными припасами.

– Назад, мазура! Приклада захотел?

– Отставить! – рявкнул штабс-капитан так, что служака тут же вытянулся во фронт.

– Я офицер, с секретным заданием, – понизив голос, сказал ему Ельчанинов. – И эти двое со мной. Отведи меня к своему командиру.

Унтер взял под козырёк и повёл всех троих в голову шеренги. Там стоял затурканный подпоручик и сверял с помощником смотрителя списки арестантов.

– Подпоручик, – с особым армейским шиком сказал ему «мещанин». – Я гвардейской артиллерии штабс-капитан Ельчанинов. Оставлен в Москве с секретным поручением, и эти люди тоже.

– Так что же? – недоверчиво спросил подпоручик, морща низкий лоб.

– У вас должно быть распоряжение полковника Толя на мой счёт. Распорядитесь немедленно отпустить меня и мою команду.

– Штабс-капитан? В таком виде? Верно, по ордонанской части?⁸ Таких велено гнать в общей колонне. Вернитесь в строй!

– Вы не поняли. Слушайте внимательно, это важно. Секретное отношение за подписью генерал-квартирмейстера Первой Западной армии полковника Толя. Насчёт штабс-капитана Ельчанинова. Проверьте списки!

Начальник конвоя посмотрел вопросительно на помощника смотрителя. Тот развязно ответил:

– Я вижу, мошенники рассчитывают найти тут дураков... Никаких секретных распоряжений к нам не поступало.

Подпоручик мгновенно покрылся красными пятнами и заревел:

– Ах, ракальи! А я потом за вас отвечай? Бегом в строй, каторжные рожи!

– Но, подпоручик... – начал было объясняться Ельчанинов, но унтер крепко схватил его за ворот и потащил обратно в шеренгу.

Троица вернулась на место не солоно хлебавши. Штабс-капитан был ошарашен и подавлен.

– Как же так? Неужели распоряжение в суматохе затерялось?

– Скорее всего, его вообще не послали, – усмехнулся Пётр. – Узнаю нашу армию! Тот-то Бонапарт в Москве, а не мы в Париже...

– Бог мой, они же сорвут задание! Теперь до самого Нижнего я останусь клинским мещанином, подозреваемым в воровстве!

– Успокойтесь, Егор Ипполитович. Положение ваше не безнадежное. Держитесь нас с Сашей, и очень скоро мы все будем на свободе. А пока взгляните-ка, что там творится. Чудны дела твои, Господи!

Действительно, возле начальника конвойной команды появился Лешак, и с ним ещё с десятков колодников. Из-под шапок у них выглядывали бритые на левой стороне головы. «Иван» стоял в уверенной позе и важно кивал головой, пока помощник смотрителя что-то объяснял подпоручику. Наконец, тот махнул рукой, и вся шайка спокойно вышла за оцепление.

– На промысел отправились, – с завистью сказал Саша-Батырь. – Эх, сукины дети, мне ничего не оставят!

– Москва большая, хватит и тебе, – успокоил налётчика Ахлестышев. – А сейчас сними-ка с нас железо. Только незаметно.

Батырь опустился на колени, легко оторвал цепи – свои и товарища – и бросил их в пыль.

---

⁸ Ордонанская часть – гарнизонная гауптвахта. Некоторые из арестованных за воинские преступления содержались в Бутырке.

– Теперь приготовились. Делай, как я. Дождёмся, когда вдоль дороги появятся первые дома. Возле них неизбежно столбятся зеваки. Смешаемся с ними. Главное не бежать, а идти спокойно.

Так и получилось. Длинная колонна медленно двинулась от Миюзской заставы к Садовой. Впереди на лошади ехал подпоручик. Пётр внимательно рассматривал конвоиров. Неподальёку шёл усатый солдат бывалой наружности и не сводил глаз с арестантов. Дальше парой шагали два тюремных надзирателя. А сзади, в хвосте, сбились в кучу несколько крестьянских парней с одним ружьём на всех. Эти больше глазели по сторонам, чем наблюдали за колодниками.

– Отстаём... – шепнул Ахлестышев. Он оперся на Сашу, стащил с ноги сапог и стал вытряхивать из него несуществующий камень. Арестанты обходили их группу стороной и шли дальше; вскоре троица оказалась в хвосте этапа.

Тем временем огороды кончились и по обеим сторонам Новой слободы потянулись обывательские дома. Редкие прохожие стояли на тротуаре и разглядывали необычное шествие. Поравнявшись с первым же переулком, Пётр не торопясь вышел из колонны. Саша-Батырь и Ельчанинов тут же присоединились к нему. Постояв немного, все трое неспешной походкой двинулись в переулок.

– Эй, а вы куда? – раздался сзади крик и к ним подбежал парень с ружьём. Держал он его, как вилы.

Батырь навис над рекрутом, словно гора.

– Тебе чего, дурень?

– Э... вы же тово...

– Чего того?

– Нельзя же!

– Нам можно.

– Меня же тово... накажут за вас!

Ахлестышев усмехнулся и похлопал парня по плечу.

– Война, брат! И не такое случается. Ты иди, а то отстанешь. Гля, как далёко ушли!

Рекрут обернулся – хвост колонны был от него уже саженьях в сорока. Махнул рукой и побежал догонять, только лапти замелькали...

Пройдя переулок насквозь и свернув за угол, троица остановилась.

– Спасибо! – первым делом сказал Ельчанинов. – Не знаю, как бы я без вас вырвался.

– Не жалко! – хохотнул налётчик.

– Ну, давайте теперь прощаться, – торопливо вымолвил Пётр. – Ты куда сейчас, махонький?

– К Мортуре Макаровне.

– К какой мортуре? – удивился штабс-капитан.

– Это Сашина подружка, – пояснил беглый каторжник. – Гулящая. Весит восемь пудов, потому и прозвище такое. Я видел её на свидании в тюрьме – впечатляет!

– Она у меня дородная, – гордо подтвердил налётчик. – Страсть как своё ремесло любит! Огонь, не баба. В Волчьей долине живёт. Спонадоблюсь – ищите меня там.

– Будешь портняжить с дубовой иглой?

– А то! Полиции нету – лови случай! Худое дело везде поспело. Ну, Петя, храни тебя Господь. Может, свидимся ещё.

– Это навряд ли. Я сейчас на Остоженку, и вечером же прочь из города. Пока тут столпотворение, удобно проскочить разъезды. Храни и тебя Бог, Саша, и спасибо тебе за всё!

Друзья крепко обнялись, расцеловались и Батырь быстро ушёл.

– Прощайте и вы, Егор Ипполитович. Желаю вам уцелеть!

– Береги вас Бог, Пётр Серафимович!

Дворяне – настоящий и бывший – пожали друг другу руки и разошлись.

Глава 2 «Первая кровь».

Пётр решил через Миюзский рынок пробраться на Тверские-Ямские улицы, по ним дойти до Триумфальной площади и уже по валам⁹ спуститься на Остоженку. Первое, что его поразило по дороге – это почти полное отсутствие людей. Миюзская площадь, обычно оживлённая, оказалась совершенно пуста. Огромные лабазы лесоторговцев стояли с распахнутыми воротами, но вокруг бегали только собаки. Со злобным лаем они накинулись на Ахлестышева, и тот опрометью помчался от них прочь.

Первых людей беглый каторжник повстречал лишь на углу 3-й Ямской и Речкина переулка. Две телеги под охраной рослого мужика стояли возле богатого дома. На земле валялась выломанная калитка – видать, рвали лошадьё. Через пролом туда-сюда сновали четверо, по виду подмосковные крестьяне. Они выносили из дома охапками всякую рухлядь, наваливали в телеги и снова уходили внутрь. Всё делалось сноровисто и быстро, груды вещей на телегах умножались. Не сразу Пётр догадался, что наблюдает грабёж. Поравнявшись с телегами, он остановился было поглазеть, но караульщик тут же шагнул к нему, замахиваясь кнутом.

– Проваливай, покуда цел!

И Ахлестышев опять припустил бегом. Ещё в двух домах по улице он застал такие же сцены. И во всех случаях орудовали не воры и разбойники, а обыкновенные мужики. Они словно стеснялись своего занятия: прятали лица, суетились, но грабежа не прекращали. Чудеса! Обычно робкие перед любым будочником, крестьяне вдруг нутром почуяли вседозволенность... Что-то будет дальше, с нарастающим беспокойством думал Пётр.

Приближаясь к Большой Садовой, он издали услышал гул множества голосов. Подойдя, поразился. По улице в четыре ряда ехали на восток повозки и экипажи всех и видов. Простые телеги соседствовали с элегантными ландо, тарантасами и колясками с гербами на дверцах. Плотный густой поток, сколько хватало глаз, тянулся к Сухарёвке. Оттуда, видимо, люди расходились к заставам, стараясь быстрее вырваться из города. Поток еле-еле полз. Возницы нервничали и ругались, кто-то лез не в очередь и этим лишь замедлял движение. Вот две повозки сцепились дышлами и кучера бросились в драку... Юркие верховые лавировали между экипажами. А по тротуарам такой же сплошной нескончаемой массой двигались пешеходы. Тут были и мамы с детьми, и почтенные старцы, и дворовые обоёго пола. Кто-то тащил скарб на себе, иной толкал доверху нагруженную тележку. Люди молчали или переговаривались вполголоса, толкались, бранились, мешали друг другу. На все лады злобно и затравленно склонялись имена Ростопчина и Кутузова. Рыдали грудные младенцы, охали бабы, несколько обывателей тащили за собой замороженных коров. И всё это неисчислимое полчище, словно колонна лесных муравьёв, ползло и ползло на восток.

Пётр растерялся. Ему требовалось в противоположную сторону, но идти на Остоженку было положительно невозможно. Людская река подхватит и унесёт с собой, как песчинку. Тротуар весь захвачен беженцами, перебраться на другую сторону Садовой невысказимо. Обойти через Пресню? Но там сплошные заборы, которые уведут к выпасным лугам – до вечера проплутаешь.

Внезапно он увидел солдат. Шесть или семь человек в зелёных мундирах с красными воротниками стояли у ограды и разглядывали толпу. Некоторые из них были ранены: у кого перевязана рука, у кого голова. Пётр хотел посочувствовать инвалидам, но не успел. Вдруг они вырвали из потока мужчину в добротном кафтане и принялись выворачивать его кар-

---

⁹ Имеются в виду валы бывших укреплений Белого города, на месте которых тогда начали устраивать бульвары Садового кольца.

маны! Жертва закричала, но никто из беженцев не замедлил шага. Люди вжали головы в плечи и отвернулись. Каждый старался быстрее проскочить мимо.

– Православные, помогите! – закричал в отчаянии обладатель кафтана, и тут случилось то, что бросило Петра в холодный пот. Долговязый мушкетёр¹⁰ без разговоров ударил мужчину прикладом по голове. Раздался хруст и человек, как подкошенный, рухнул на тротуар. Из пробитого черепа показалась чёрная кровь... Солдаты молча оттащили убитого к забору, обыскали с ног до головы. Сняли сапоги, верхнее платье, после чего бросили тело и принялись высматривать новую добычу. Один, рыжий, расхристанный, подошёл к Ахлестышеву и взял его за грудки.

– Золото какое есть?

От убийцы крепко пахло водкой, глаза смотрели зло и властно.

– Откуда? – пробормотал Пётр, весь сжавшись от ужаса. – Видишь – арестант я. Откуда у арестанта золото?

Рыжий ещё некоторое время внимательно разглядывал Ахлестышева, потом сказал с угрозой:

– Какой ты на хрен арестант? Барина сразу видать! Ребята, дуй сюда! Тут барин колодником оделся. А пошто? Не полицейский ли сыщик, я думаю?

– А ты приколи ево, – посоветовал долговязый, только что убивший человека прикладом. – Свидетелев нам не надоть.

– А и то, – согласился рыжий и начал уже прилаживаться, как половчее ткнуть подозрительного барина штыком. Пётр стоял, ни жив, ни мёртв. Убежать не даст толпа; молить о пощаде бесполезно. Инвалиды грабили и убивали не сгоряча, а хладнокровно, со знанием дела. Такие самовидцев ни за что не оставят... Неужели его сейчас зарежут, как поросёнка? Потому лишь, что некстати наблюдал расправу?

Вдруг кто-то сзади крепко прихватил Ахлестышева под руку и сказал знакомым басом:

– Отпусти-ка молодца со мной. Он взаправду арестант, и вам не опасный.

Саша-Батырь! Как вовремя!

Гигант отодвинул приятеля за спину и встал перед рыжим.

– Ну?

– А я сумлеваюсь! – злобно ответил тот. – Сыщика сразу видать! И не нукай – не...

Договорить он не успел. Налётчик шевельнул плечом, и рыжий полетел в толпу мародёров. Раздались крики, несколько солдат повалилось. Саша приставил артиллерийский палаш к шее долговязого и спросил с интересом:

– Кто тут мне ещё нукать не велит?

Убийца медленно-медленно попятился назад, осторожно отвёл клинок от горла и пробормотал:

– Нукай сколь хошь, мы не против. И парня забирай, мы и тут не против...

Батырь согласно кивнул, развернулся и пошёл против потока. Позади него образовалась дорожка шириной в полтора аршина, в которую Пётр тут же пристроился. Так они пробились до ближайшего переулка и свернули в него.

– Уф! – вытер пот беглый. – А вовремя я, однако!

– Саша! – обнял его Ахлестышев. – Как ты тут оказался?

– Как и ты – ногами пришёл. А пока топал – сообразил: власти-то в городе нету. А без власти рядом с русским человеком опасно находиться. Когда же бегство это разглядел, совсем за тебя спугался. Тут полно раненых солдат, которых начальство бросило. Ещё больше дезертиров. Злые! Много народу уже пограбили да перебили. Пьяные все... Ну и решил дожидаться товарища.

---

¹⁰ В 1811 году мушкетёрские полки были переименованы в пехотные, но по старинке их солдат называли мушкетёрами.

- Вот спасибо тебе! А палаш где добыл?
- У стрелюриста одного отобрал. Ещё вот два пистолета есть. Возьми один себе.
- Саш! Я в человека выстрелить не сумею...
- Бери, бери! Пуганёшь кого при надобности.
- Ну, давай. В нынешней Москве вещь полезная, ты прав.

Пётр сунул пистолет сзади за пояс, прикрыв арестантским бушлатом.

- Пошли дальше пробиваться?

– Нет, – сказал налётчик. – Супротив течения даже я долго не совладаю. Давай перейдём на ту сторону. Там внутри никого нет, все здесь драпают. По Малой Бронной добежим до Арбатской площади, а там и твоя Остоженка неподалёку.

- Саш, ты глянь, что делается! Как же мы перейдём?

- Возьми меня сзади за кушак, да покрепче. И не отпускай. Готов?

- Да.

Батырь шагнул на проезжую часть и схватил ближайшую лошадь под уздцы.

– Осади, маракузия! – рявкнул он кучеру. Кобылка, почувствовав сильную руку, стала. Тут же беглые протиснулись в следующий ряд. Поскольку все четыре ряда еле-еле ползли, им удалось без помех пролезть и в третий, но тут случилась заминка. Два вороных жеребца напирала грудью, и обойти их в тесноте было невозможно. Друзья оказались зажатыми с двух сторон. А тут ещё и возница огрел Сашу кнутом.

- Куды прёшь, каторжная рожа!

Батырь осерчал, упёрся покрепче – и толкнул ближайшего жеребца под шею. Тот всхрапнул и повалился, ломая упряжь. Падая, он увлёк за собой и соседа. Мгновенно образовался затор, весь ряд встал. Беглецы воспользовались этим и рывком перебрались на ту сторону. Не обращая внимания на брань, несущуюся им в спины, они забежали в Малую Бронную и опять очутились одни. Быстрым шагом друзья направились к Арбату. Ахлестышева не покидало чувство, что он застрял в кошмарном сне. Огромный пустой город! Нигде ни души, ставни заперты и тихо, как в осеннем лесу... Б-р-р! Когда в переулке открылась компания мародёров, он даже обрадовался: хоть кто-то есть ещё! Но не обрадовались им. Пять мушкетёров и один шуплый улан вывалились навстречу и начали обступать их с боков. Физиономии у них были самого зловещего свойства. На этот раз среди грабителей не было ни одного раненого – только дезертиры.

– А ну не балуй! – вполголоса приказал Саша и вынул из-за пояса пистолет; Пётр последовал его примеру. Солдаты замешкались.

– Цыц! – так же спокойно добавил налётчик. И дезертиры, не решившись напасть, убрались назад в переулок.

– Ты вот что, – начал Батырь, – ты на свою Остоженку сильно торопишься? Там уж, поди, нету никого, и дом заколочен.

– Конечно, они уехали, но я не с ними встречаться иду. Просто хочу напоследок поглядеть... Там жила Ольга, понимаешь? Ещё совсем недавно. Мне надо-то несколько минут. А что?

– Да боюсь я тебя одного пускать. Вишь, что творится? Давай вместе ходить. Только я хочу вперёд на французов поглядеть, каковы они. Опосля провожу тебя на твою Остоженку, а оттуда двинем к Мортире Макаровне. Ну, а стемнеет, проберёмся за Семёновскую заставу, там уж и простимся.

- Где же ты собираешься глядеть на французов?

– Баяли, они в Дорогомилове со вчерашнего дня. Оттуда им по Смоленской и Арбату прямая дорога в Кремль. Поглазеем чуток и к Барыковым твоим пойдём.

– А давай! – согласился Пётр. – Это ж история творится на наших с тобой глазах. Двести лет не было в Москве вражеского войска! Мы – очевидцы, будет что потомкам рассказать.

– До потомков ещё дожить надо, – озабоченно сказал налётчик. – Во, гляди, ещё кого-то несёт. Придвинься ближе ко мне!

Из-за угла на них вышел худой долговязый человек, неряшливо одетый, с безумными глазами. Не глядя по сторонам, он мерял шагами мостовую и что-то бормотал под нос.

– С колеи съехал, – проводил его взглядом Батырь. – Слух был, что безумцев Ростопчин тоже велел выпустить, даже буйных. То-то веселье начнётся...

Путешествие по пустому городу продолжалось. Фантазмагория какая-то! Ни людей, ни собак, ни даже голубей не было на улицах Москвы. Кое-где зияли выломанными дверьми лавки, и на тротуарах перед ними валялись разбросанные вещи. Иногда за воротами как будто кто-то шевелился. То ли дворники подглядывали в щёлку, то ли грабители ждали, пока прохожие уйдут...

Вдруг со стороны Арбатских ворот послышался ружейный залп. Беглые замерли. Кто это там воюет? Неужели они опоздали и французы уже в Белом городе? Над Крестовоздвиженским монастырём взмыло вверх неимоверное число галок. Стрельба между тем перешла в рассыпную и стала удаляться вглубь Воздвиженки. Друзья послушали-послушали, да и отправились прочь.

Широкий лощёный Арбат был так же безлюден. Зато вдали, на Смоленской площади, толпился народ.

– Прибавь шагу, а то всю гулянку пропустим, – оживился налётчик, и они почти побежали.

На площади обнаружилось полсотни каких-то странных людей. Они махали руками, матерились и явно собирались воевать. Один грозил ружьём без кремня, второй – казачьей пикой, некоторые потрясали топорами. Судя по физиономиям, все бойцы крепко выпили, и море им было по колено. Появление двух новеньких в арестантских бушлатах произвело впечатление.

– Во! И каторжные с нами! – обрадовался гнилозубый малый, по виду небогатый купец. – За Русь святую всем миром – ура!

– Давай! – подхватили вокруг. – За Русь, за нея, матушку! Щас вот токмо кабак разобьём, и пойдём на антихриста!

– Ух, как я на них зол, – грозно, как ему казалось, пробубнил купчик. – Прямо в клочья рвать буду!

Он махнул над головой латунным безменом и рыгнул.

– Что, Кутузов Бонапарту не побил, а ты сейчас побьёшь? – поинтересовался налётчик.

– С нами Бог и святые угодники! Они даруют нам победу...

– Тьфу, дураки! Бежим дальше, Петя, бежим прямо к речке.

По Смоленской улице они помчались к набережной, и скоро им открылась величественная и жуткая картина. Дорогомиловский мост был разобран, но сапёры навели по его остаткам понтонную переправу. Сверху, извиваясь огромной змеёй, ползло неисчислимое войско.словно гигантский дракон оседлал Поклонную гору и теперь тянется, шипастый и страшный, к незащищённому городу. Сверкая бронёй, по четыре в ряд ехали кирасиры. Нескончаемой лентой маршировала пехота. Уланы оцетинились пиками, как лес в «Макбете». Драгуны и конная артиллерия, не дожидаясь очереди на мост, переходили Москва-реку вброд. Военные музыканты трубили в тысячи труб. Юркие адъютанты передавали распоряжения степенным генералам. Лучшая в мире армия неотвратно надвигалась на Первопрестольную...¹¹

---

¹¹ В действительности авангард французской армии под командой Мюрата уже несколько часов, как вошёл в Москву. Ахлестышев и Саша-Батырь наблюдают прибытие в город основных сил.

Пётр с трудом отвёл глаза, повернулся к товарищу. Ошарашенный, разинув рот, тот молча глядел на невиданное зрелище. Даже его простая душа была потрясена.

– Смотри! – налётчик дёрнул друга за рукав. – Эх, зачем же это!

Первая шеренга пехотинцев ступила на мост. Неожиданно навстречу им бесстрашно выбежал седобородый мужик в полушубке, с вилами в руках. Он держал их наподобие штыка и явно искал, в кого вонзить оружие. Вот безумец наметил жертву: правофлангового тамбурмажора в расшитом галунами мундире. Видимо, из-за этих галунов мужик принял музыканта за генерала. Поравнявшись с французом, он перекрестился и сделал неумелый выпад. Тамбурмажор ловко от него уклонился, взял смельчака за плечи и одним сильным толчком сбросил с моста в реку. Мелькнул на поверхности тулуп и через секунду исчез...

– Ну, братское чувырло, я тебе это припомню! – погрозил издали кулаком Саша-Батырь, и едва не полез драться с тамбурмажором.

– Очумел? – схватил его за рукав Пётр. – Наше дело теперь – охоть да помалкивать. Бросила нас армия! Да и потом, что этому французу оставалось, когда на него с вилами налетели?

– Знамо что: по шее настучать да отпустить! Он же пьяный в зюю, не ведает, что творит! Убивать-то зачем?

Расправа на мосту, похоже, не понравилась и самим французам. И когда в начале Смоленской на них бросилось ещё несколько смельчаков, их не закололи, а просто обезоружили. Развернули и дали хорошего пинка... Последние защитники Москвы тут же разбежались. Огромный поток захлестнул город и стал, дробясь на десятки ручейков, вливаться в берега московских улиц. Словно прорвало дамбу, и Первопрестольную сейчас затопит по самые маковки...

– Пошли! – отвернулся от реки Саша, и первый заторопился на Остоженку.

Через Смоленский и Зубовский валы приятели быстро добрались до места. Владение Барыковых занимало почти всё пространство между 1-м и 2-м Ушаковскими переулками. Двухэтажный кирпичный особняк с пристроенными по бокам флигелями был украшен чугунным балконом хорошего литья. На пилонах ворот надписи: слева – «Дом тайного советника и кавалера Барыкова», справа – «Свободен от постоя». Особняк казался нетронутым. Ахлестышев с бьющимся сердцем дёрнул за шнурок звонка. Эх, давно он тут не был! Тогда, весной, здесь распивал чай другой человек – свободный, ничего не боящийся, доверчивый.

Пётр стоял и прислушивался. Изнутри, как и следовало ожидать, никто не отзывался. Саша прошёлся вдоль фасада, потрогал калитку: тоже заперта.

– Ну, пошли; нету тут никого.

– Я хочу внутрь попасть.

– Зачем?

– Не знаю... Поглядеть ещё раз, напоследок, как она здесь жила. На тахте её посидеть, в её окно на сад выглянуть. Понимаешь?

– Нет. Но пособить могу, ежели хочешь.

– Чем?

– Никогда не видал, как я дырбасы¹² отворяю? Ну, смотри. И учись!

Батырь подошёл к парадному, примерился и резко навалился на дверь плечом. Та подрожала немного под мощным напором и приоткрылась.

– Во! Засов своротил. Ай да я! Ну, чего ждёшь? Иди на свою тахту!

Пётр на секунду замешкался – неудобно подламывать чужой дом! Но сегодня был такой день, что дозволялось любое безобразие. Всё равно или чернь, или французы скоро

¹² Дырбасы – двери (жарг.)

сделают это... И он вошёл внутрь. Обширная передняя, богато украшенная лепниной, была ему хорошо знакома. Дубовые, обитые красным плюшем, диваны. Бронзовая люстра на двенадцать свечей. И широкая мраморная лестница со статуями вакханок по бокам. Всё без изменений. Когда-то ему тут приветливо улыбались, принимали шинель, вели наверх...

Прилив воспоминаний прервал какой-то звук на втором этаже. Ахлестышев насторожился и бегом взлетел по лестнице. Грабители? Или остался кто-то из слуг? Тут из-за портьеры осторожно высунулось девичье лицо. Незванный гость поразился: это была камеристка Ольга, дворовая девушка Евникия.

– Ты что тут делаешь, Ева? Разве ты не уехала с барыней?

– Пётр Серафимович? Ой, святые угодники! А мы уж думали, французы лезут! А почему вы в таком платье? Да не один; а человек-то при вас, прости Господи...

– Я ничего, я смиренный, – ободрил служанку Саша-Батырь.

– Евникия, да кто же там? Объясни, наконец! – раздался из анфилады до боли знакомый голос, и на площадку вышла... Ольга!

Ахлестышева словно обухом ударили по голове. Он смотрел в прекрасное лицо своей бывшей невесты и не знал, как быть. Зачем она здесь? И что теперь делать? Хочется подойти и обнять – но нельзя. Она теперь княгиня Шехонская, а он беглый преступник. Меж ними стена... Но всё равно счастье, что Ольга здесь, что он её видит! Нежданное счастье, награда за то, что он так рвался сюда.

– Пётр?! Как ты здесь оказался?

– Почему ты не уехала?

– Тебя отпустили?

– Почему ты не уехала? Ты представляешь, какой ужас сейчас здесь начнётся?

– Муж обещал прислать за мной экипаж, но что-то произошло. Экипаж не прибыл.

– Ах, так князя здесь нет? На себя ему экипажа хватило! Узнаю характер!

– Не надо так говорить. Идёт война. Обстоятельства могут оказаться сильнее воли человека.

– Обстоятельства? А какие у князя могут быть непреодолимые обстоятельства? Все лошади разом охромели? Дворня поголовно вымерла? Я сбежал из тюрьмы, пробился сквозь шайки мародёров и пришёл сюда. Мне ничто не помешало. А что помешало ему вывезти из отданного на поругание города собственную жену? Сказать, что?

Ольга опустила глаза.

– Князинека нарочно не прислал экипаж. Ему сейчас больше улыбается стать богатым вдовцом! Ведь родовым капиталом Барыковых управляешь ты – пока жива, не правда ли?

Шехонская мотнулась, словно её ударили.

– Не говори о нём так! Твоё суждение – от ущемлённого самолюбия. Подозрение, которое ты высказал, слишком страшное; мой... супруг не способен на такое.

– Видишь, ты сама выговариваешь слово «супруг» с запинкой. А насчёт его способностей... Кому, как не мне, знать это. Ты хоть понимаешь, что именно Шехонский укатал меня на каторгу?

– Ещё одно предположение, такое же недоказуемое, как и первое.

– Ну конечно, никто не признается. Ты, может быть, тоже считаешь, что это я удавил дядюшку с тётушкой на глазах у лакея? И отпустил свидетеля живым. А потом не нашёл лучшего места для краденых ценностей, чем собственное бюро. А?

– Нет, конечно, что ты!

– «Ищи, кому выгодно». Старый следственный постулат. И кому, по-твоему, было выгодно, чтобы Пётр Ахлестышев навсегда оказался за семь тысяч вёрст от этого дома?

Ольга молчала, не имея, что возразить. Воспользовавшись паузой, снизу напомнил о себе Батырь.

– Это... сматываться надо отсель. Кончали бы вы языки чесать.

– Да, Саша прав. Кстати, знакомьтесь: это мой друг, налётчик и беглый арестант Саша-Батырь. В миру Александр Калинович Взимков.

Ольга робко улыбнулась гиганту, а Евникия манерно поклонилась.

– В городе попадаются мужики с телегами, – продолжил Ахлестышев. – Наймём одну для вас, а мы пойдём пешком, для эскорта. К вечеру выскочим за Рогожскую заставу, а уж там как-нибудь...

– Евникия ещё утром бегала к этим мужикам. Те словно с ума посходили... Согласны везти до Богородска за пятьсот рублей ассигнациями.

– Пять сотен? – ахнули беглецы в один голос.

– Пять, – подтвердила камеристка. – Бесстыжие, креста на них нет! И ни в какую не уступают. Заплатим, говорю. Как к себе в имение приедем, всё заплатим. А они только смеются и говорят: деньги наперёд.

– Пять сотен... – ошарашенно повторил Пётр. – Но теперь не до торговли. С твоим богатством ты можешь себе это позволить. Ольга! Соглашайся и спасёшься!

– Но в доме нет сейчас таких денег.

– Проклятье! Но ведь наверное есть драгоценности! Переплати вдвое, втрое, но вам необходимо бежать из города немедленно!

– Драгоценностей тоже нет.

Пётр долго молча смотрел на княгиню, а та отводила взгляд.

– Шехонский увёз их?

– Да, всю шкатулку.

– И деньги тоже?

– Да.

– А жену не успел... Куда же он сам делся, и под каким предлогом?

– Уехал в подмосковную¹³ проверить, всё ли оттуда вывезли.

– Вот скотина! И заодно прихватил шкатулку, чтобы не возвращаться. Так что ли?

– Есть то, что на мне: серьги, два перстня и обручальное кольцо. Их хватит, чтобы нанять телегу?

– С лихвой, – уверенно сказал Батырь. – Не хватит – я им добавлю. Так добавлю, что мало не покажется!

– Да. Надо торопиться. Евникия, носи баул! Какое счастье, что с нами теперь есть мужчины...

Но едва они направились к лестнице, как под окнами послышался цокот копыт. Кавалерийский отряд подъехал к особняку, и кто-то сказал по-французски:

– О! Дверь приоткрыта! И ломать не нужно. Зайдём?

– Мишель! Раз дверь выломана, значит, тут уже побывали до нас. Поищем нетронутый дом – вон их сколько!

– А мне особнячок нравится. Валери остаётся при лошадях, остальные за мной!

В доме все замерли, не дыша. Вот оно! Сейчас что-то будет...

Громко звеня шпорами, вошли пять кавалеристов в зелёных доломанах и высоких меховых шапках. Увидев русских, в том числе двух мужчин, они тут же положили руки на эфесы сабель.

– Господа, мы мирные люди и не собираемся защищать это жилище, – быстро сказал им Ахлестышев. – Дом в вашем полном распоряжении.

– О, мсьё говорит, как настоящий парижанин, – обрадовался старший, судя по нашивкам, бригадир. – Тем лучше. Кто вы и чей это дом?

---

¹³ Т.е. в подмосковное имение.

– Это дом княгини Шехонской, а сама княгиня стоит перед вами (Ольга при этих словах напряжённо кивнула). Рядом – её камеристка. Мы с моим другом – их старые знакомые. Опасаясь за безопасность дам, мы почли своим долгом прийти сюда. Защитить их в случае неприятностей. В городе разгул черни, может случиться всё, что угодно.

– Защитить дам? – рассмеялся чернявый вёрткий француз. – Так это может оказаться невозможным! Мы собираемся вести себя в Москве по праву сильного. И если я, к примеру, захочу сделать что-то с вашей дамой, как же вы намерены поступить?

– Убить вас прежде, чем ваши товарищи убьют меня, – отрезал Пётр, делая шаг навстречу вертлявому. – Желаете проверить, кто из нас быстрее?

В передней повисла тягостная тишина. Чернявый медленно-медленно, с противным визгом начал вытягивать саблю из ножен. Ахлестышев смотрел на него в упор, готовый броситься. Саша-Батырь вздохнул, спустился на ступеньку ниже и встал рядом с товарищем. Вот-вот могла начаться резня, но Ольга вдруг спросила бригадира:

– А что, это в традициях Великой армии¹⁴ – впятером набрасываться на двух безоружных?

Унтер-офицер, тоже уже почти обнаживший клинок, осёкся.

– И с каких пор, – продолжила княгиня, – естественное для мужчины стремление защитить женщину стало преступлением? Я иначе думала о французской армии.

Все кавалеристы разом, словно по команде, вернули сабли в ножны.

– Клод, больше не груби этим людям! – хмуро приказал бригадир чернявому. – Мадам права: мы французы, то есть люди чести. Прошу прощения, дамы и господа, за поведение моих подчинённых. Больше это не повторится. Позвольте представиться: Мишель Обиньи, командир полувзвода 5-го конно-егерского полка. А это мои товарищи.

Ахлестышев утёр пот со лба. Ещё бы секунда, и... Необходимо было срочно наладить правильный тон разговора с захватчиками. Благородство их вызывало сомнения. Откупиться! Вот что сейчас должно их по-настоящему задобрить.

– Мсьё Обиньи! Мы, безусловно, признаём ваше право на трофеи. И сами добровольно и немедленно отдадим все ценности и покажем, что ещё есть в доме. Не утаим ничего.

– Это было бы разумно с вашей стороны...

– Взамен мы просим двух вещей. Первое: вашей защиты для этого дома и его обитателей. Если вы поселитесь здесь, все припасы будут к вашим услугам.

– Хм. А второе?

– Мы просим оставить в нашем распоряжении только две комнаты. Разумеется, вы их предварительно обыщите, чтобы убедиться, что мы ничего там не спрятали. И пусть в ту из комнат, где поместятся дамы, никто не входит.

– Это разумные требования, – согласился бригадир. – Мы готовы их принять. Французы не звери... Но всё должно быть честно, без обмана. Что это, к примеру, вы прячете за поясом?

Ахлестышев вынул пистолет.

– Отдайте его мне. И пусть ваш верзила-приятель сделает то же самое.

Беглые безропотно отдали оружие, и обстановка в комнате сразу же разрядилась.

– У вашего приятеля не очень приветливое лицо, – усмехнулся Обиньи. – И на друга княгини он мало похож. Кто это? Что связывает его с вами, человеком очевидно образованным и приличным?

– Он уголовный. Мы вместе сидели в тюрьме.

---

¹⁴ Великая армия – название части вооружённых сил Наполеоновской империи, которая вела войны в 1805-1807 и в 1811-1814 годах в Центральной Европе (в т.ч. в России).

– О-ля-ля! Значит, правду говорят, что Ростопчин велел выпустить из тюрем всех арестантов?

– Нет. Выпущены лишь неисправные должники, мелкие воришки и ещё сумасшедшие. Самых серьёзных, что содержались в Бутырском замке, сейчас гонят колонной на Нижний Новгород. Мы с другом сбежали из неё. Но мы такие не одни. Судя по всему, вырвались ещё несколько десятков, и среди них есть опасные люди. Будьте с ними осторожнее.

– Хорошо, мсьё...

– Пётр Ахлестышев, к вашим услугам.

– Извините, но такую фамилию мне не выговорить. И имя тоже трудновато... Мсьё Пьер, если не возражаете?

– Не возражаю.

– Так вот, мсьё Пьер. Вы без запинки предложили нам дом со всем его содержимым. Я правильно понимаю, что мы уже не найдём здесь ничего ценного?

– Да, всё дорогостоящее мой муж уже вывез, – ответила за Ахлестышева Ольга. – Остались только те ценности, что на мне (она стала торопливо вынимать из ушей серьги и стаскивать с пальцев перстни). Но в самом доме находится немало других вещей, и среди них фарфор, бронза, столовое серебро...

– А вино, провизия?

– Тоже в изобилии. Повар убежал, но моя камеристка всё вам покажет.

– Мсьё Пьер, – вновь обратился к Ахлестышеву Обиньи. – Княгиня, как выясняется, замужем, но не за вами. Извините мне мой вопрос, но нам всем любопытно... Кто же тогда вы? Только что дело чуть не дошло до крови, и мы поняли, что вы готовы умереть за нашу прекрасную хозяйку. Сделайте милость, объяснитесь!

– Я люблю эту женщину, – просто ответил Пётр.

Бригадир крикнул, а вертлявый Клод сдёрнул с головы шапку и щёлкнул каблуками.

– Прошу извинить, мсьё Пьер, моё недостойное поведение. Сказанное вами всё объясняет... и вызывает лишь уважение. Прошу также и мадам принять мои извинения.

Ахлестышев охотно протянул кавалеристу руку, и обстановка в доме сделалась почти дружеской. Тем не менее, бригадир принял от Ольги драгоценности и внимательно их осмотрел. Одобрительно щёлкнул языком, один из перстней взял себе, а всё остальное отдал товарищам, наказав не забыть и стоявшего на улице Валери. Заминка вышла только с обручальным кольцом. Обиньи сначала постеснялся его брать. Но затем вспомнил, что муж бросил жену и сбежал, и реквизировал кольцо тоже. Золотую цепочку с крестом бригадир великодушно оставил хозяйке.

Французы осмотрели дом, не прельстились ни бронзой, ни фарфором, но столовое серебро охотно рассовали по седельным сумкам. Оказалось, что из прислуги в доме остался ещё кухонный мужик. Ему поручили ухаживать за непрошеными гостями. Лошадей поставили в обширные барыковские конюшни, кое-как заделали выломанную дверь и уселись в столовой пировать. На втором этаже одного из флигелей русским выделили две комнаты: проходную – мужчинам, а следующую женщинам. Ольга заперлась там и старалась не выходить. Евники наоборот пришлось бегать по всему дому, показывать, прислуживать и объяснять. Конноегеря, разумеется, пару раз ушипнули девку за задницу, но в целом держались в рамках приличия.

Сашу кавалеристы с собой за стол не посадили, но Ахлестышева пригласили.

– Но ведь я такой же арестант, как и мой друг, – сказал он.

– Вижу я, какой вы арестант, – ответил Обиньи. – Порядочного человека узнаешь за десять лье. Можно оболгать и заклеить его как угодно, но он всё равно останется порядочным человеком. Расскажите лучше нам, за что вас судили? Уж не за любовь ли к княгине Ольге? Если да, то это весьма романтично, хотя и неприятно.

– Да, мне сейчас не до романтизма. Но вы угадали насчёт причины моего несчастья. Четыре месяца назад мы с Ольгой собирались пожениться. Я был весел, легкомыслен... Небогатый дворянин из хорошей семьи, влюблённый и глядящий на мир сквозь розовые очки... Мой соперник был не такой. Он нанял убийц, подкупил сыщиков и судей, подбросил сфабрикованные улики. И меня осудили за то, чего я не совершал. Лишили дворянства и приговорили к каторге. А по русским законам, сосланный на каторгу уже никогда не возвращается обратно. Даже если ему посчастливится отбыть весь срок и выжить, по выходе из тюрьмы бедняге полагается вечное поселение в Сибири. Безвыездно. То есть, меня вычеркнули из жизни и лишили Ольги навсегда.

Французы слушали сочувственно и при этих словах не могли сдержать возмущения.

– Значит, ваш соперник занял под венцом ваше место, – констатировал бригадир. – Но почему же тогда, убегая из Москвы, он не взял жену с собой? Не успел или не получилось?

– Шкатулку с драгоценностями князь Шехонский не забыл, а про жену запамятовал, – горько усмехнулся Пётр. – Просто Ольга единственная наследница рода Барыковых, очень богатого и знатного. По тем же нашим законам, это родовое имущество остаётся в её владении даже после замужества. И переходит к мужу только, когда он овдовеет.

После такого разъяснения кавалеристы уже совершенно возмутились. Окажись на свою беду князь Шехонский сейчас здесь, его, наверное, отмузузили бы без долгих разговоров!

– Знаете что, Пьер, – хитро подмигнул Обиньи. – Вы должны быть благодарны нам за то, что мы пришли в Москву. Ведь только поэтому вы сейчас вместе с любимой женщиной, а не в колонне арестантов на пути в Сибирь. Что там будет дальше, знает только Бог, но пока фортуна вам улыбнулась. Выпейте в таком случае за победу французского оружия!

– Нет, господа, за это я пить не стану. И прошу не обижаться. Я русский, и для меня вы оккупанты. Но за вас пятерых подниму бокал с удовольствием. И ещё за любовь!

Французы закричали одобрительно, и выпили – за себя и за любовь. Попойка перешла в ту фазу, когда собутельники разом подобрели. Сейчас это была просто компания дружески беседующих приятелей. Пётр заметил, что грозные захватчики относятся к нему с подчёркнутым уважением и сочувствием. Особенно ухаживал за русским Клод, ещё час назад готовый «сделать кое-что» с его женщиной. Но и другие кавалеристы оказались приятными, доброжелательными людьми, может быть, немного легкомысленными, но не злыми.

Закурили трубки. Обиньи развалился на стуле, как сытый кот, и сказал:

– Да, Пьер... Мы в Москве! Удивительно! Я был в Египте, получил контузию в Мадриде, сабельный удар под Ваграмом. А теперь – столица царства славян. Гений нашего императора привёл нас и сюда. Как вы, русские, представляете себе дальнейшие события? Скоро ли наши государи подпишут между собой мирный договор? Тогда мы с вами сядем ещё раз и выпьем уже как совершенные друзья, а не как противники.

– Я далёк от политики, Мишель, и не сумею ответить на ваш вопрос. Но, боюсь, никакого мира ещё долго не будет.

– Вот как? А что же будет?

– Война.

– После того, как мы взяли Москву?

– Москва ещё не вся Россия. Вы хоть представляете себе, на что замахнулись? Мы, русские, по-настоящему ещё и не начинали воевать. Но сейчас начнём.

Французы переглянулись.

– Ваша армия хороша, это правда, – возразил бригадир. – Под Красным, Валутиной горой, да и в Московской битве русские показали себя храбрецами. С вами приятно драться, чёрт побери! Но – не обижайтесь, Пьер – у вас слабые генералы. А именно они определяют

победу или поражение. Наша артиллерия тоже лучше вашей, и конница. На что же вы надеетесь?

– Я не военный человек, в отличие от вас, но я умею рассуждать логически. И моя логика подсказывает, что сейчас, когда вы взяли Москву, всё перевернулось. Вам кажется, что ваше положение улучшилось. Но на самом деле оно ухудшилось. И очень сильно! У нас появились союзники, которых не было раньше.

– Каких союзников вы имеете в виду?

– Осень вот-вот наступит. Вы понимаете, что это значит для ведения военных действий в России? Где почти нет дорог... А следом придёт зима. Вы собираетесь встречать холода в вашем мундире на лёгком сукне? Здесь не Бургундия, здесь намного холоднее. Когда снег высотой в три фута ляжет на поля, чем вы станете кормить своих лошадей? И ещё расстояния. Сколько досюда от ваших магазинов и резервов? А Кутузову до наших магазинов? Сейчас по всей империи идёт усиленный набор рекрутов. Русская армия за месяц вырастет в разы, а ваша?

– Один наш солдат разгонит десять ваших необученных рекрутов! – крикнул раздосадованный Валери. – Это просто пушечное мясо! И резервы к нам уже идут, и стада быков гонят. А провианта в Москве нам хватит до следующей весны!

– Эх, господа, как же вы легкомысленны... Вы шестеро – я же вижу – не злобные убийцы и насильники, а приличные люди. Которых загнал сюда приказ... Мой вам совет: запасайте тёплую одежду. Держитесь вместе. И не загружайте ваши сумки тяжестями! Когда пойдёте обратно, это будет очень мешать.

– Прекратите пугать нас, Пьер! – рассмеялся Обиньи. – Мы солдаты, а не маркитанты. Всякое повидали. Перед французским оружием никому не устоять! Так же, как и перед гением Наполеона.

– В декабре, Мишель, в декабре – обещайте вспомнить наш спор!

– Обещаю, – беззаботно усмехнулся бригадир. – А сейчас ещё по бокалу, и мы пойдём.

– Пойдёте? Куда?

– Пьер! Мы же в Москве! Огромный город, набитый сокровищами. Нельзя терять ни минуты, пока итальяшки или поляки не растащили всё самое ценное! Мы определились с квартирой, теперь можно и пограбить!

– А как же мы? Оставьте для охраны дома хотя бы одного человека!

– Мишель, он прав, – сказал Клод. – Мало ли что... Десятки тысяч вояк вошли в город в поисках добычи. И не все из них такие, как мы. Я остаюсь здесь.

– Это умно, – кивнул головой бригадир. – Дом хороший, на него могут позариться. Оставайся и никого сюда не пускай. Мы захватим добра и на твою долю.

Уже через пять минут кавалеристы вывели на улицу лошадей и ускакали, горя понятным нетерпением. Ахлестышев объяснил им, как проехать к Верхнеторговым рядам. Клод остался сидеть в передней с карабином в руках. Рядом с собой он поставил банку с вареньем и малагу. А Пётр пошёл к своим.

Саша-Батырь стоял перед дверью проходной комнаты и прислушивался.

– Ты как?

– Да порядок... Не злые вроде мужики, хоть и французы, правда?

– Иди, поешь. Там полно всего осталось. И Евникии предложи.

– Да я сытый – Евка меня не обнесла. Чё делать-то будем? Может, я тоже схожу, пограблю? Вы на вроде, как под охраной...

– Подожди. Надо сейчас обсудить, что получается. Идём к женщинам.

Он постучал в дверь дамской комнаты. Камеристка впустили их. Ольга полулежала на диване, сжимая голову руками.

– Ты плохо себя чувствуешь?

- Мигрень. Это от волнения. Где они?
- Поехали на поиск добычи. Раньше вечера не вернутся. Остался только Клод, он караулит дом.
- Петя! – княгиня смотрела на Ахлестышева глазами, полными слёз. – Что с нами будет?
- Ольга, возьми себя в руки! Нас ждут недели, если не месяцы испытаний. Москва во власти Наполеона! Конец света... Но надо надеяться на Божью милость и держаться друг дружки.
- Ах, как хорошо, что вы двое сейчас с нами! Господь Вседержитель уже явил свою милость. Он послал тебя сюда! Если бы не вы, нас бы с Евникией... страшно представить...
- Ты хотел созвать совет, – перебил княгиню Саша. – Не тяни время. О чём думать будем?
- Конечно о том, как уйти отсюда.
- Уйти? – ахнула камеристка. – Туда, на улицу? К этим антихристам?
- Да, пока ещё не поздно.
- Но постояльцы, вроде, приличные попались. Не лучше ли пересидеть за ними? – усомнилась Ольга.
- Нет, не лучше. Надо уходить из города, это единственный способ уцелеть. А сегодня ещё не поздно сделать побег. Завтра французы расставят по всем заставам пикеты – тогда уже не вырвешься. Сегодня, немедленно, пока не налажен порядок!
- Значит, бежать?
- Да, пока светло. Правда, у нас теперь нет ни колец, ни серег. Больше не на что нанять телегу. Пойдём пешком. Пока в городе хаос – проскочим!
- Ева, носи башмаки покрепче! – скомандовала Шехонская. – И выкинь из баула всё ненужное!
- Но камеристка не успела сделать и шагу, как снизу послышались чьи-то громкие нахрапистые голоса.
- Тихо!
- Ахлестышев с Сашей заторопились в переднюю. Там пятеро рослых и, видимо, нетрезвых пехотинцев напирала на Клода. Судя по славянской речи, это были поляки. Один из них, с офицерскими эполетами, схватил француза за карабин.
- Пошёл прочь, коротышка! Этот дом реквизирован под квартиру нашего полковника!
- Нет, особняк уже занят! Мы пришли сюда раньше вас. Здесь квартирует полувзвод бригадира Обиньи из 5-го конно-егерского полка лёгкой кавалерии!
- Я поручик Лымарек. Легион Вислы объявляет дом своей добычей. Немедленно убирайся отсюда со своим паршивым бригадиром – Москва большая.
- Тут поручик увидел русских и сразу окрысился.
- А, здесь свиньи! Ну, развлечение обеспечено.
- Плотной толпой поляки двинулись по лестнице вверх. Клод, уже без карабина – его отобрали – шёл сзади и уговаривал их уйти, но его не слушали.
- Чей это особняк? – властно спросил Лымарек.
- Княгини Шехонской, – ответил Пётр, семеня сбоку.
- О! Русская княгиня? Никогда не имел, ха-ха! Сейчас испробуем её на вкус. Где она?
- Ахлестышев почувствовал, как у него выступил на спине холодный пот... Пьяные наглые поляки явно не собирались церемониться с обитателями дома.
- Она... больна и плохо себя чувствует. Не встает с постели.
- А и не нужно ей вставать, я привык делать это лёжа, – как-то особенно мерзко ухмыльнулся поручик. – А ты кто?
- Я друг дома.

– Русский?

– Да.

– Очень хорошо! Довольно вы, русские собаки, попили польской крови. Теперь ты и хозяйка ответите нам за всё.

– Но я не пил никакой крови, ни польской, ни чьей другой!

– Ты ещё будешь дерзить?!

Поручик, не останавливаясь, сильно ударил Ахлестышева по лицу. Саша кинулся было на выручку другу, но сразу три тесака упёрлись ему в грудь.

– Товарищ, спокойно! – крикнул Пётр. – Может, ещё обойдётся...

– Не обойдётся, – с угрозой сказал Лымарек. – Вы теперь мои пленники. И заплатите за все польские унижения. А привычки у меня такие... особенные. Графа де Сада не читал? Сейчас увидишь это в действии.

Поляк открыл одну за другой обе двери и без стука вошёл в комнату княгини. Та медленно поднялась с тахты, одёрнула на себе платье.

– Кто вы и что вам угодно?

Поручик нагло, в упор разглядывал Шехонскую, потом сказал:

– Совершенная красotka! Тем лучше. У меня есть в запасе несколько хороших приёмов...

Лицо у Ахлестышева горело, в висках стучали молотки, из разбитой губы лилась кровь. Что же делать, что же делать?! Сейчас начнётся... Он умрёт прежде, чем увидит, что эти животные сделают с Ольгой – но его смерть ей не поможет! Конец, всему конец...

– У вас богатый дом, княгиня. Вероятно, он так и ломится от драгоценностей?

– Всё, что у меня было, уже забрали. Те, кто пришёл раньше вас. Можете спросить вон у того мсьё.

– Да, мы уже лишили княгиню её украшений, – крикнул сзади Клод. – Господа, ну пошутите и хватит! Не надо запугивать бедную женщину. Тут в самом деле не осталось ничего ценного, но Москва такая огромная! Мы же союзники, мы не должны ссориться! Давайте разойдёмся миром.

Но поручик не слушал его. Он долго и гнусно-сладострастно разглядывал Шехонскую, а потом сказал:

– Значит, ничего не осталось? Знакомые штучки. Мы догадываемся, где дамы могут спрятать бриллианты... Я должен тебя обыскать!

Когда до Петра дошёл смысл сказанного, он сделал вдруг то, чего сам от себя не ожидал. А именно, прыгнул на поляка, повалил его, уселся верхом и вцепился в горло. Он ни о чём не думал и ничего не соображал. Кроме того, что этот негодяй должен немедленно умереть... В комнате и сзади, в тесном коридоре, вспыхнула потасовка, но Ахлестышев лишь сильнее сводил пальцы. Кто-то из-за плеча ударил его прикладом по голове, но неудачно – приклад скользнул по темени. Затем послышалась возня, рядом сучили по полу чьи-то ноги. Стоны, крики, ругань... Пётр не решался обернуться, он торопился удушить противника, пока его самого не прикололи штыком. Поручик хрипел и извивался. Глаза его наполнились ужасом, лицо посинело. Ненависть к любителю графа де Сада захватила Ахлестышева целиком. В руках откуда-то взялась сила, а действиями руководила злая и твёрдая воля... И поручик, побившись ещё несколько секунд, обмяк и вытянулся на полу во весь рост.

Только теперь Пётр поднял голову и осмотрелся. Клод, худенький и вёрткий, бился в анфиладе на саблях с огромным поляком. Однако сразу стало ясно, что дела силача плохи. Нескладный на вид, француз оказался опытным и безжалостным рубакой. Ловко парируя удары противника, он успевал нанести ответные удары точно в цель. Уже трижды раненый, поляк начал потихоньку сдавать. Вот Клод отбил выпад, без замаха сунул клинок в глотку

врагу и повернул кисть, словно отпирал ключом замок... Гигант схватился за разрубленное горло, оперся спиной о стену и застыл, хрипя и захлёбываясь кровью.

– Здоровый, сволочь... – покосился на Петра француз, и подбил умирающего ногой под колено. – Да падай уже!

Поляк с жутким грохотом, гремя амуницией, повалился на пол. Но шум боя продолжался. Оглянувшись, Ахлестышев увидел, как Саша-Батырь держит двух других панов за грудки и колотит головами об стену. Шмякнул ещё раз-другой, а потом швырнул вглубь анфилады, словно ненужный хлам. И тотчас всё стихло, только в углу плакали от страха женщины.

Клод, с саблей наготове, обошёл всех противников – никто из них не подавал признаков жизни.

– Четыре... пять. Все здесь. Однако, Пьер, ваш приятель каторжный хорош! Пока мы с вами мусолили по одному злодею, он перебил троих!

– Что же теперь будет с нами? – спросил Ахлестышев, поднимаясь. – Вы же видели, видели, что это за негодяи! Они не оставили мне выбора! А после случившегося... Нас осудят, хотя это была самозащита!

– Пьер, я свидетель, что так оно и было. Потом, это же поляки! По правде сказать, мы в Великой армии не считаем их за людей. Полагаю, трибунал разберёт ваше дело справедливо.

– Нет, Клод. Вы и ваши товарищи простые кавалеристы. А судить нас станут чиновники. И в интересах политики, а не по законам справедливости. Убиты пять ваших формальных союзников, в том числе офицер. Их командир подаст жалобу Наполеону, и что тот решит?

Клод смутился.

– Вы правы. Русские перебили союзников французов... А Легион Вислы недавно был причислен к Молодой гвардии. Вам надо немедленно бежать отсюда! Возьмите их пистолеты и срочно уходите!

Через несколько минут четыре фигуры, озираясь, выскользнули на улицу. Пётр всмотрелся – от Зубовской площади в их сторону медленно ехал конный пикет. Беглецы свернули в ближайший переулок и со всех ног кинулись к набережной Москвы-реки.

– Куда мы сейчас? – задыхаясь, спросила Ольга. – У вас есть, где спрятаться?

– Пока в Москве суматоха, надо попробовать спастись, – пояснил Пётр. – Французы ломятся в город, в центр, на левый берег. А мы наоборот, сунемся в Замоскворечье. Пройдём по нему до Краснохолмского моста, там снова переправимся и через Спасскую заставу уйдём на Подольск.

– Смотрите, что это? – вскрикнула вдруг Евникая. – Там, на небе!

Пётр поднял голову – со стороны Кремля напозало огромное зловещее облако чёрного дыма.

Глава 3 «Волчья долина».

Выбежав на набережную, Саша первым делом посмотрел налево и ругнулся: Каменный мост перекрыл французский караул. Шевалежеры¹⁵ спешили, выстроились в цепь и никого не пропускали.

– Здесь не пройдем, – констатировал Ахлестышев. – Айда вдоль Кремля. Если и на Москворецком мосту та же картина, спускаемся дальше вниз по реке. Может, и переходить не понадобится. А там сразу три заставы – через какую-нибудь, да выберемся! Кто знает, который час?

– Шесть пополудни, – ответила княгиня, вынув из кармана дорожного платья золотой дамский брегет.

Бывший жених со словами «мы найдем на них телегу» без церемоний забрал часы. Беглецы быстрым шагом двинулись по набережной. Женщины смотрели по сторонам со страхом, мужчины – скорее с любопытством. Ахлестышева не покидала утренняя мысль: словно он попал в чей-то приключенческий роман. Всё вокруг – только сон или магический фокус; скоро он проснется и снова окажется в тюремной камере. Но, похоже, приключения только начинались...

Они шли и шли, а мужики с телегами так и не появлялись. Прохожих вообще было мало. Из дома Зотова¹⁶, принадлежавшего теперь виноторговцам Поповым, сунулись дезертиры вперемешку с уголовными. Зная уже, на что они способны, Пётр достал пистолеты. Шайка смешалась и отступила обратно. Затем на Троицкий мост¹⁷ так же, с оглядкой, выбрались со стороны Торговых рядов четыре француза. Ахлестышев, долго живший в Париже, научился отличать рода войск. Судя по синим пятиугольным погонам с красной окантовкой, это были фузилёры. В линейной пехоте фузилёры самые многочисленные, но не самые решительные. Рослые гренадёры или расторопные вольтижёры не упустили бы добычи, а эти замешкались. Батырь построил им зверскую харю, и ребята сочли за лучшее удалиться. Они побежали обратно в Торговые ряды на Неглинной. Там шли лихие дела. Какие-то фигуры сноровисто громили лавки в открытой галерее, а со второго этажа им на головы летели меха и материи. Батырь только скрипнул зубами, глядя на чужой успех...

Так, без приключений, все четверо добежали до Москворецкого моста, но и тот оказался перекрыт. Тронулись дальше. Ольга с камеристкой едва волочили ноги, а до ближайшей заставы было ещё ох как далеко. У мучных лабазов вдоль Китайгородской стены женщины попросились отдохнуть. Пётр не позволил. Место слишком бойкое: торговая пристань завалена бочками и тюками, вот-вот и здесь начнут громить. Наконец им попался мужик в драном азяме, на грязной-грязной, раздолбанной телеге. Тащила её, тем не менее, молодая и сильная буланка. Мужик выехал из проезда к Глухой Безымянной башне, бранясь и грозя кулаком Воспитательному дому.

– Что, сирот пограбить не дали? – догадался налётчик.

– Сторожа, сволочь! Ешшо и дерутся... Все убёгли, а эти лешманы остались. И караулят добро-то...

– Эй, дядя! – перебил его Пётр. – Вот, гляди: часы. Золотые! Довези нас до Рогожской или Спасской заставы, и они твои. А пограбишь ночью.

– Ешшо чаво! – закапризничал мужик. – Я, чем с вами нянькаться, втрое больше наберу. Эвона: заходи да бери што хошь! А вы ступайте своею дорогою...

---

¹⁵ Шевалежеры – уланы.

¹⁶ Н.М. Зотов – первый учитель Петра Первого.

¹⁷ Мост через устье реки Неглинной.

Пётр посмотрел на измученное лицо Ольги, перевёл взгляд на друга. Тот понял его без слов. Взял возницу левой рукой за грудки, приподнял на воздух, а правой отвесил крепкую затрещину. Потом усадил обратно в телегу и сказал:

– Дышать будешь, как я скажу. Понял, крысиная душа?

– Как не понять... – скорбно пробормотал мужик, подбирая вожжи.

Ахлестышев живо сбросил с телеги узлы, усадил туда женщин и скомандовал:

– К Рогоже!

Буланка рванула так, что арестанты едва за ней поспевали. Пролетев необъятный квартал Воспитательного дома, телега свернула влево и по Яузскому мосту перебралась в Таганскую часть. Открылась красивая панорама Швивой горки. Посреди неё, как скала, возвышался огромный трёхэтажный дом с портиком и бельведером. Это был особняк, бывший купца Судовщикова, а ныне генерала Тутолмина. Кто-то засел в бельведере и стрелял оттуда в неведомую цель. С колокольни соседнего храма Николы за Яузой били в набат. Им отзывались у Николы в Котельничихах и Спаса в Чигасах, а издали вторили соборы Новоспасского и Симонова монастырей. От этого тревожного звона щемило душу.

Телега выехала на бесконечно длинную Николо-Ямскую улицу. Она была забита народом. Десятки повозок и экипажей тянулись к выходу из города. А на тротуарах и в особняках уже кипела работа. Французские солдаты и местная чернь, в полном согласии друг с другом, громили лавки и кабаки. Трещали двери зажиточных домов, звенели стёкла, летела на улицу рухлядь. Плечо к плечу, не говоря ни слова, две силы сноровисто занимались грабежом. Без конфликтов и ссор: добычи хватало на всех. Ахлестышев только диву давался на такую согласованность...

Между тем начинало уже темнеть. Каторжники, выбившись из сил, тоже разместились в телеге, и буланка сразу сбавила ход. Вот слева промелькнул Андроников монастырь; они въехали в Воронью улицу. Своим концом она упирается в Рогожскую заставу – беглецам оставалось сделать последний рывок! Налётчик отобрал у хозяина вожжи и сильно стегнул кобылу. Та прибавила, и телега скоро оказалась у последних городских строений. И упёрлась во французский заслон.

Ахлестышев соскочил с телеги и подбежал к офицеру. Тот, как и все вокруг, смотрел на восток: там происходили какие-то драматические события. Каторжник тоже взгляделся. На выходе из города стояла крупная масса русской кавалерии, со всех сторон окружённая неприятелем. Наши драгун были не менее двух полков. Видимо, они задержались с выходом из города, и теперь им грозил плен. Вокруг и внутри колонны виднелись во множестве партикулярные повозки с беженцами. Превосходящие силы французов сжимали вокруг русских тесное кольцо. Вдруг прямо через ряды неприятеля к колонне подъехал моложавый генерал в полной парадной форме с двумя звёздами. Один, даже без трубача и адъютанта, он бесстрашно раздвинул порядки французов – те расступились перед ним. Присмотревшись, Пётр узнал генерала Милорадовича, с которым был знаком по светской жизни. Козырнув седовласому начальнику вражеского авангарда, Милорадович скомандовал драгунам:

– По четыре в ряд... рысью... марш-марш!

Опешившие французы разомкнули строй, и наша колонна устремилась в лазейку. Вместе с драгунами бросились спасаться и беженцы. Милорадович дождался, пока мимо него проедет последняя телега, ещё раз откозырял седовласому генералу и удалился, никем не тронутый. Он ехал, не торопясь и не оглядываясь, словно в одном своём лице представлял весь русский арьергард...

Несколько минут французы, стоящие у заставы, не могли произнести ни слова. Потом офицер вздохнул, не то с сожалением, не то с облегчением, и повернулся к Петру:

– Что вам угодно?

– Господин су-лейтенант, у меня на телеге больная русская княгиня Шехонская. Она не может идти, ей нужна срочная врачебная помощь. Позвольте ей, пожалуйста, выехать из города и избежать ужасов грабежа! Она уже отдала все свои ценности конным егерям, больше у княгини ничего не осталось. Прошу вас, сжальтесь над бедной женщиной!

Офицер оглянулся: начальник авангарда хмуро глядел вслед Милорадовичу и бранился под нос.

– Увы, сударь, вы опоздали на десять минут. Даже на пять. Сейчас уже невозможно выполнить вашу просьбу. Княгиня должна вернуться в Москву.

– Но...

– Никаких «но»! Генерал Себастиани чувствует себя одураченным. Поглядите, как он сердится! Я не пойду сейчас к нему просить за вас – это бесполезно. Ваш Милорадович лишил нас законной добычи. Он уже второй раз за день останавливает наше продвижение. И при этом ссылается на какие-то устные договорённости с Мюратом, о которых никто не слышал! Будто бы тот на словах обещал позволить русскому арьергарду покинуть Москву без боя... И вот сейчас под этим же соусом ваш генерал выдернул из плена два припозднившихся полка драгун. Себастиани больше не выпустит из Москвы ни одного человека! Мне очень жаль; вам не хватило нескольких минут.

Дальнейшие уговоры оказались бесполезными. Французская пехота цепью развернулась по окраинам. Не успевших уйти людей догоняли и отсылали назад. Слышались крики и плач. Полные отчаяния, беглецы вернулись в слободу. Все молчали. Наконец мужик попытался выдернуть вожжи из рук уголовного.

– Покаталися, и будя! Часы гоните!

Батырь, не отдавая вожжей, посмотрел на него и спросил с презрением.

– А чего это ты в Воспитательный дом-то полез? Другого места не нашёл? Там одни сироты. Их и так судьба обидела, отца-матери лишила.

Крестьянин раздражённо махнул рукой.

– Ты меня не совести! Вишь, какое вокруг творится? Богу угождай, а чёрту не перечь! Теперя всё дозволено. Сам-от кто – святой? А халат арестантский на тебя, радетеля, за что надели?

– Правду говорят, что на немилостивых ад стоит. Ты, дядя, хуже гайменника!¹⁸ Сирот обирать... А я не позволю!

Батырь без замаха, но очень сильно ударил мародёра в лицо. Мелькнули на воздухе лапти, и негодяй улетел кубарем в канаву. А налётчик развернул телегу и хлестнул буланку.

– Н-но пошла!

– Куда мы теперь? – тревожно спросила Ольга.

– Из города уже не выпустят, – вздохнул Саша. – Чуть-чуть не успели! Поехали теперь к Мортуре Макаровне.

– Какой мортуре? – так же, как недавно Ельчанинов, удивилась княгиня.

– Это Сашина подружка, – пояснил Ахлестышев. – Гулящая. Извини, но тебе придётся поселиться в уголовном притоне, бок о бок с пропащими людьми.

– А... нет другого укрытия? И не станем ли мы сами добычей этим пропащим людям?

– С Сашей-Батырем не станем. Это особенное место. Называется оно Волчья долина. В конце Неглинной, рядом с Трубой¹⁹. Слободка, заселённая уголовными всех мастей, преимущественно ворами и налётчиками. Нравы там жуткие, но для нас сейчас самые подхо-

---

¹⁸ Гайменник – убийца (жарг.)

¹⁹ В 1830-х годах название «Волчья долина» с Неглинной (после ликвидации одноимённой пивной, знаменитого уголовного притона) «переехало» к местности возле Большого Каменного моста.

дящие. Французам в тех краях брать нечего. А Саша пользуется среди местного населения большим уважением, и под его рукой никто нас не тронет.

Ольга не столько успокоилась, сколько смирилась. Бывший жених со своим загадочным товарищем были теперь её единственной защитой. Только они в целом городе желали княгине Шехонской добра...

Между тем, притомившаяся буланка кое-как тащила телегу с четырьмя седоками. Переехав обратно мост, она стала в Серебреническом переулке и отказалась идти дальше. Саша чертыхнулся, нашарил в ногах торбу с овсом и подвесил её к морде лошади. Ахлестышев с ведром побежал на Язу за водой.

– Полчасика отдохнём, – объявил Батырь. – Вы сидите тут и не высовывайтесь. А я пройдусь поблизости.

– Только не уходи надолго, – попросил Пётр. Налётчик кивнул и свернул в Солянку. Вскоре оттуда уже послышался треск ломаемой двери.

Беглецы остались втроём. С уходом силача всем сделалось неуютно. Уже совсем стемнело. Какие-то люди заглядывали в переулок и молча их разглядывали. Ахлестышев держал пистолеты на виду, и это производило нужное впечатление. Вдруг сразу шесть или семь человек ввалились в Серебренический и окружили телегу.

– Кто такие? Добро имеешь? – раздался властный голос старшего. Пётр, не мешкая, приставил ему ко лбу пистолет.

– Есть и квас, да не про вас! Пошёл прочь, братское чувырло!

Семеро бывалых людей никак не могли смутиться при виде одного пистолета. Тут сработало другое. То ли фартовый разглядел на Петре арестантский халат, то ли услышал знакомые ругательства, но он отступил и махнул своим рукой:

– Айда!

И шайка удалилась. А ещё через четверть часа вернулся Саша-Батырь. В одной руке он нёс большой узел из скатерти, а в другой почти полную четверть. Вид у налётчика был довольный.

– Вот, – сказал он, загружая добычу в телегу. – Скуржи²⁰ сыскал фунтов десять, и травник на зверобое. Вкусный! Другое дело... А то все вокруг грабят, один я в стороне! Ну, поехали.

Отдохнувшая буланка тоже повеселела и резво двинулась в путь. Вдруг где-то далеко сзади раздался взрыв оглушительной силы. Дрогнула земля, посыпались на мостовую разбитые стёкла. Тёплая взрывная волна, словно ветер, пронеслась над головами. Беглецы испуганно обернулись. Гигантский столб пламени поднялся в небо. По высокой дуге из него выскакивали огненные шары и разлетались по округе. Зрелище было одновременно и жутким, и завораживающим.

– Будто вулкан... – прошептал Ахлестышев.

– Пороховые склады у Симонова монастыря взорвали! – догадался Батырь.

– Ой, смотрите, смотрите! – Евникия вытянула руку. – Страсти-то какие!

В тёмном Заяузе, как по команде, стали вспыхивать огни: первый, второй, третий... В считанные минуты на Гончарной, Таганке и в Котельниках разгорелось несколько сильных пожаров.

– Это был сигнал! – крикнул Пётр. – Сожгут Москву к чертям! Я подозревал это!

– Поехали отсюда шибче, – угрюмо пробасил налётчик и тронул вожжи.

Обогнув Воспитательный дом, телега вскоре оказалась на Варварской площади. Здесь было дымно, над Китай-городом как будто горел закат.

---

²⁰ Скуржа – серебро (жарг.)

– Верхнеторговые ряды горят, – сразу определил Саша. – Богатые места! Жаль, меня там нету... Али я хуже людей, что везде стоя пью?

Они хотели ехать к Лубянке, но издали увидели на ней множество бивачных костров. На площади перед Ростопчинским дворцом стояли пушки и ходили во множестве французы. Гул оживлённых голосов, звуки флейты, гитары – полное веселье... В домах поблизости все окна были освещены: захватчики расположились с комфортом.

Батырь немедленно свернул в ближайшую улочку. Выезжать на бульвары он не решился. Телега стала пробираться тёмными переулками к Трубе, далеко объезжая вражеский лагерь. Быстрым ходом пересекли Маросейку и Мясницкую; на последней тоже обнаружили французов. Но в переулках было тихо и пугающе безлюдно. Вдруг из подворотни показалась большая группа людей в русской одежде. Впереди шёл Лешак собственной персоной. В руке «иван» держал какой-то странный предмет, похожий на топорище или оструганную чурку с закруглёнными концами. Чурка достигала шести вершков в длину и двух – в ширину, и из неё сочился белый дым. Сообщники Лешака тащили кто горящие факелы, кто осмолённые пики, а иные – зажжённые пучки соломы. В толпе Пётр не без удивления узнал квартального надзирателя Пожарского. Четыре месяца назад именно этот человек арестовал его в доме Барыковых на глазах у невесты... Теперь Пожарский, в форме полицейского офицера и с саблей на боку командовал, вместе с «иваном», шайкой поджигателей!

Случилась заминка. Несколько секунд стороны молча разглядывали друг друга, потом Лешак рявкнул:

– Дорогу, бесов сын! Прочь с пути!

– С твоей ли рожей в собор к обедне? – ехидно спросил Батырь. – Шёл бы в приходскую!

– Уйди, говорю, покуда цел!

– Никак, с вардалаками решил подраться? Так скажи, мы с полным удовольствием.

Незнакомое слово произвело на «хозяина Бутырки» впечатление. Он осёкся и шагнул в сторону, освобождая проезд. Но Пожарский не уходил, а наоборот, затеял беседу:

– Ахлестышев! Вы почему здесь? Сбежали из-под конвоя?

– Как видите, не я один: при вас таких целая шайка!

– Мои люди не беглецы, а выполняют поручение правительства! Это им зачтётся, они будут освобождены от уголовного преследования. Но вы с вашим приятелем бежали самовольно!

– Выручка!²¹ А ты заарестуй меня! – ухмыльнулся налётчик.

– Давайте вернёмся к этому разговору потом, когда выгонят французов, – примирительно сказал Ахлестышев. – Поспорим, ежели останемся живы... А пока занимайтесь своим делом, а мы продолжим своё. Саша, поехали!

Батырь дёрнул вожжи, квартальный надзиратель едва успел отскочить.

– Если вы присоединитесь к партизанам, то и вам зачтётся, – торопливо проговорил он. – Обещаю именем Ростопчина – имею такие полномочия.

– Мне некогда!

– Идёт война, Пётр Серафимович, – сказал вдруг взволнованным голосом Пожарский. – Отбросьте личные обиды. Французы в Москве! Слыханное ли дело? Беритесь, как другие, за оружие и...

– В компании с Лешаком?

– Ну и что? Около святых черти водятся. С нами ли, без нас, но воюйте, не отстраняйтесь! Отечество в опасности! Вы же порядочный человек!

– Но ваш суд решил иначе. И Яковлев, фабрикующий улики, носит один с вами мундир!

²¹ Выручка – квартальный надзиратель (жарг.)

– Я всё знаю, – тихо произнёс надзиратель. – И про улики, и про неправый суд. Вы обижены, и у вас есть на то причины. Но в такое время... Стыдно, Пётр Серафимович, теперь упиваться личною обидою. Убейте хоть одного француза. И тогда я первый сделаю, что смогу, чтобы вам вернули права состояния.

– А где вы были, когда меня оболгали? – выкрикнул в сердцах Ахлестышев. – Саша, поехали!

Телега рванула. Не выдержав, каторжник оглянулся. Пожарский стоял и смотрел ему в след. Лешак из-за его спины показал кулак, потом подошёл к ближайшему дому, разбил стекло и кинул в окно свою загадочную чурку. Внутри сразу вспыхнуло, языки пламени вырвались наружу. Поджигатели довольно загоготали и двинулись дальше.

Только через час беглецы добрались до цели. Небольшая слободка у слияния Неглинной с Трубной площадью была застроена однообразными деревянными домиками. Вокруг раскинулись поросшие кустарниками пустыри. Место пользовалось среди обывателей недоброй славой. Прохожего человека могли раздеть здесь даже днём, а ночью люди просто исчезали. Молва утверждала, что здешние жители спускали тела своих жертв в «трубу» – подземный коллектор реки Неглинной. Столицей уголовной слободы являлась пивная «Волчья долина» – зловещий притон убийц и грабителей. Полиция обходила пивную стороной.

Саша остановился у входа в заведение, бросил поводья и сказал бодрым голосом:

– Вот я и дома! Заходите со мной, гости дорогие, и ничего не пугайтесь!

На шум вышли два оборванца: седой, в возрасте, бородач, и пятнадцатилетний подросток. Всмотрелись в темноту.

– Кого ещё Луканька²² принёс? Назовись-ка!

– Тетей, Яшка! Бесы крапчатые, своих не узнаёте?

– Батюшки! – взмахнул руками старик. – То ж Саша-Батырь! Во дела теперя начнутся...

А подросток кинулся к лошади.

– Скамейку²³ накорми, напои и поставь в тепло, – приказал ему налётчик. – Мешок там со скуржой – отдай Мортире на сохранение. А четверть с вином в дом снеси!

Шумной компанией они ввалились внутрь. Большая комната с тремя десятками столов слабо освещалась масляными лампами. За стойкой одиноко сучал кабатчик.

– Серёга, а где все? Чё так пусто?

– Пошли на собак сено косить, – ухмыльнулся тот.

– Дык, Саша, все на тырке²⁴, – пояснил старик. – Такой день рази можно терять? Он же год кормит! До утра не появятся. А ты, стало быть, утёк? Баяли, весь бутырский гарнизон по этапу отправили.

– Как видишь, не весь. Мы с Петром Серафимычем решили остаться. Ну, дай нам, что ли, пожрать. Эх! Дома не сидится, а в гости не зовут! Людей устрою и тоже в Москву сбегая.

Вскоре беглецы уже вовсю уплетали тельное. Седобородый Тетей (при свете лампы на лице у него обнаружили клейма «в-о-р») разлил травник. Саша держал перед гостями речь.

– Значитца, так. Ты, Петя, и вы две. Рассказываю, что есть наша слобода. Чтобы понимали, в каком вы здесь полнейшем порядке... Сейчас на Москве три важнейшие шайки. Одна в Грузинах. Ребята там тёплые, числом до сотни. Кистенём метут – будь здоров, не кашляй! Но в чужие улицы не суются, проще говоря – домоседы. У нас с ними лад. Вторая знатная шайка – поблизости, на Драчёвке. Те нам вообще как братаны – вместе, бывает, на делопроизводство ходим. Случись что, мы их выручим, а они нас. Ну, и третья, самые на Москве опасные – это мы, вардалаки. Такое у нас прозвище. Или иногда называют: звери

---

²² Луканька – бес.

²³ Скамейка – лошадь (жарг.)

²⁴ Тырка – кража (жарг.)

Волчьей долины. Где бы в городе вы не находились, а прижмут вас фартовые, скажите: мы при вардалаках. И тогда вас никто не обидит.

– Даже Лешак? – поинтересовался Ахлестышев.

– Кабы свинье рога, всех бы со свету сжила, – усмехнулся Батырь. – Что Лешак? Он, конечно, «иван», и по этому праву всё-таки фигура... Но не московский, а пришлый. Сприть вардалаков не потянет. У нас поведенция простая: кому не мило, тому в рыло! Если станет лезть – пожалуйся мне, я ему бороду на жо... простите, княгиня! кой на что натяну.

При этих словах Батырь отпил травника и закусил малосольным огурцом. Оглянувшись на тёмное окно, спросил:

– Сколько сейчас, кто знает?

– Ах, Ольга, получи обратно свои часы, – спохватился Пётр. – Сейчас... половина первого до полудни.

– Надо поспешать. Оставляю вас на Тетя. Он мой старинный товарищ и комендант слободки. Ляжьте в дальних комнатах и ничего не опасайтесь. Отдохните – устали, чай... Утром я вернусь и решим, как дальше жить.

У Ахлестышева и впрямь уже слипались веки. День, начавшийся в камере Бутырки и закончившийся в воровском притоне, оказался перегружен событиями. Ольга с камеристкой тоже утомились. Все безропотно ушли спать. Заботливый Тетей показал гостям, где отхожее, и выдал Евникии таз и кувшин с горячей водой. Женщины быстро уснули. Петру же пришлось ещё вернуться в горницу, когда он услышал оттуда знакомый голос. Это пришла Мортира Макаровна. Гулящая расспрашивала Тетя так громко, что подняла бы и покойника... Ахлестышев счёл себя обязанным выйти и поздороваться.

Толстая, румяная, красивая и весёлая – вот главные характеристики Мортиры. Бойкая девушка, она у всех окружающих сразу создавала приподнятое настроение. Пётр заметил это ещё в тюрьме, где гулящей улыбались самые суровые надзиратели. При том подруга Батыря была очень набожна.

Увидав гостя, Мортира Макаровна расцеловала его в обе щёки и тут же пристроила к делу.

– Пётр Серафимович, разберите, пожалуйста, моё затруднение! Пришли ко мне нынче трое хранцувов. Ничего так ребята, ласковые. Не обидели.

– Тебя, мне кажется, мужчины никогда не обижают.

– Ваша правда, мы от вашего брата больше хорошего видим, нежели плохого... Но вот чем они расплатились. Поясните дурёхе безграмотной, что это будет на наши рубли?

И она протянула каторжному горсть серебра разного калибра. Тот подошёл к лампе и принялся разбирать монеты.

– Так... Прусские зильбергроши... пьемонтский скудо... и австрийский двойной галер. По курсу берлинской биржи... примерно два рубля семьдесят копеек на серебро.

– Это с трёх-то человек? – расстроилась гулящая. – Негусто! Анчутка²⁵ их раздери! Обманули девушку, прохвосты. Жалко-то как... Научите тогда, как в дальнейшем поступать, явите милость! Столько тыщ мужиков, голодных до нашего тела, в Москву пришло. Капитал можно составить! Я домик свой ребятам показала и ожидаю теперь множество гостей. Работы непочатый край! Но скока же мне с них брать, коли у них такие непонятные деньги? С нашими у меня твёрдая цена: рупь с четвертаком. Скуржавые. Ассигнации я не беру.

– Ты смотри по весу. В русском рубле чистого серебра 4 золотника 31 доля. С четвертаком выйдет чуть более пяти золотников. Европейское серебро пробой обычно ниже, и меньше монетный вес. Особенно у Рейнского союза... то бишь, у немцев.

– И чево из этого следует? – захлопала глазами Мортира.

²⁵ Анчутка – чёрт.

– Из этого следует, что тебе не нужно считать по номиналу. Забудь про цифры на монетах. Иначе запутают и опять обманут. Бери по весу. Так, чтобы их монеты были примерно в полтора раза тяжелее, чем наш рубль с четвертаком.

Гулящая наморщила лоб, повторяя про себя последнюю фразу, потом кивнула.

– Поняла! Это мы управим. Ежели и обмишурюсь, то не намного. А можно и аптечные веса спроворить!

– Вот сегодня ты недополучила около половины своего тарифа.

– Черти! Мать иху в отца! А такие обходительные были. Ну, это тока в первый раз, по нашей неопытности. Больше уж у них мошенничество не пройдёт. Спасибо, Пётр Серафимович, за вашу... как её сказать? арифметику. А теперь откройте, что за княгиню вы привезли? А то вон Тетей сам в недоумении, разъяснить не сумел, а нам любопытство.

Пётр, как мог, изложил историю Ольги и своё к ней отношение. Сентиментальная душа, Мортира Макаровна чуть не всплакнула над судьбой жены, брошенной законным супругом в минуту испытаний. И обещала беглому каторжнику, что никто тут княгинюшку не обидит – она сама за этим проследит! На этой ноте Пётр отправился наконец спать.

Проснулся он, когда уже совсем рассвело. Из горницы доносился громкий шум. Ахлестышев обулся и пошёл на голоса. Все столы в заведении были заняты. Полсотни вардалаков дуванили – делили ночную добычу. Перед каждым лежали груды вещей: столовое серебро, отрезы дорогих тканей, меха, каминные часы вперемешку с головами сахара и бутылками. Пещера Али-Бабы, а не пивная на окраине Москвы! Посреди комнаты, упираясь головой в низкий потолок, возвышался Саша-Батырь. Он был в шикарной бобровой шубе, а на обоих мизинцах сверкали по перстню. Увидав приятеля, Саша подбежал, за руку подвёл его к стойке и громогласно объявил:

– Господа вардалаки! Вот. Прошу жаловать сего человека, словно бы то был я сам. Пётр Серафимович Ахлестышев, наипервейший товарищ мой с малолетства. Это он со своим умом научил меня сбежать! Лишён дворянства по облыжному обвинению, составленному псами-сыщиками. Пётр Серафимыч, а также его тётка княгиня Шехонская со своей трясогузкою, находятся здесь под моею рукою. Стало быть, и все вы должны беречь их, защищать и не обижать. Ура господину Ахлестышеву! Всем выпить канки за его здоровье!²⁶

Пятьдесят лужёных глоток заревели разом. Петру налили в оловянный стакан полугара и заставили чокнуться с каждым из вардалаков. Парни подходили по одному, представлялись и уступали место следующему. Наконец процедура знакомства закончилась, и каторжник смог спросить у друга:

– Ты как это всё добыл? У своих, у русских отымал?

– Нет, только брошенное взял. Айда с нами – сам увидишь. Там добра на всех хватит! Народ разбирает, почтительно так, без мордобоев: тут наши, там французы. Мы на Никитскую собираемся. Едешь? Весёлое дело! Дадут – в мешок, не дадут – в другой.

– Саш! Как же я чужое буду брать? Оно же чужое!

– Да оно сейчас ничьё!

– Ну, не уверен... Хотя из любопытства разве? Внукам у камина чтобы было что рассказывать.

– Какие на хрен внуки? Тут такой случай! Богатство можно сколотить в два дни! Опосля никто не станет разбираться, откуда вдруг у тебя капитал возник. Смотри, сколько я надыбил за полночи! Три лоханки, веснух двое, сверкальцев целый ширман!²⁷

²⁶ Тётка – подружка, любовница. Трясогузка – горничная. Канка – водка (жарг.)

²⁷ Лоханка – табакерка, веснухи – золотые часы, ширман – карман (жарг.)

– А пошли! Брать ничего не буду, а поглядеть погляжу. Только как с Ольгой быть? Что она без меня? Боязно ей. И потом, не может же княгиня жить в таком притоне! Надо бы другое место найти.

– Сухари! Шманал!²⁸ Мортира уж всё за нас с тобой придумала. Её твоя любовь-морковь впечатлила – она девка добросердая. Княгиня с Евкой переезжают в Нижний Кисельный переулочек. Будут жить за стенкой с Кулевриной.

– У вас тут слободка или артиллерийский парк? Что ещё за кулеврина?

– Кулеврина Степановна – подружка Мортиры Макаровны. Длинная и тощая, потому так называется. Но и на кости, пра, находятся любители!

– Гулящая?

– А то.

– Что за дом хоть? Не собачья конура?

– Добрый пятистеночек. Там сейчас бабы убираются, полы намывают. К обеду новоселье справим. Хозяйка им за кухарку станет. Муж её приличный налётчик – вон, у окна сидит.

– Саш, им пока платить нечем, поверь, пожалуйста, в долг! Под моё поручительство. Ольга богатая – потом всё вернёт.

– Не майся из-за ерунды! Тут такое творится, а ты копейки считаешь. Разберёмся!

– Спасибо. Но ведь к Кулеврине твоей французы пойдут!

– Беспременно пойдут. Даже косяком! И что с того?

– А вдруг они за стенку сунутся? Ольгу обидят?

– Это как? Там Тетей с ребятами, они порядок соблюдают. Если кто хамить начнёт, деньги не платить или ещё чего – так и в морду поймают!

– А дальше? Ну, избыют они наглеца. А тот обидится и приведёт сто человек с ружьями. Что твой Тетей тогда сделает?

– Ты, Петя, видать, с солдатами дела не имел... За баб положено платить, и все солдаты об том знают. Тех, кто мошенничает, во всём мире бьют, и в Москве тоже бить будут. Потому – обычай. Ей же одеться-обуться надо, детёнок кормить, у кого есть...

– Это в мирной жизни так, и то усомнюсь, а тут война. Пришли мародёры, привыкшие брать чужое без спросу!

– Зачем я с тобой спорю? То, чем ты меня стращаешь, нынешним утром уже случилось. Полячок один Кулевриной попользовался, а платить не захотел. На том как раз основании, что завоевателям-де оно дозволяется. Тетей его поучил и соргу²⁹, какую в карманах нашёл, отобрал. И выгнал. Пан разобиделся и побёг на Лубянку жаловаться. Там французов целая дивизия стоит – помнишь, вчера мы их переулками объезжали? Ну, те и пришли. Слово в слово, как ты обещал: сто человек с ружьями.

– И?

– И – разобрались. Я уж хотел тебя будить, да у них свой толмач отыскался, бывший графа Салтыкова крепостной человек. Десять лет, как убёг в Данциг, на всех языках чешет. Он и спотворил.

– Чего спотворил-то?

– Причину разъяснил. За что поляку Харьковской губернии Мордасовского уезда город Рыльск начистили. Пришли-то такие сердитые, усы как у тараканов, в медвежачьих шапках – страсть! Всю слободку обещали пожечь. А как Кулеврина рассказала про нехороший ляха поступок – то и вскрылось. Осерчали французы. Уж они били проходимца, уж лупцевали... Эдак даже в русской полиции не бьют! Бросили потом в телегу, может, и неживого, и куда-то увезли. И обещание дали, что бабам больше обид от них не будет.

---

²⁸ Сухари! Шманал! – Ничего! Не беда! (жарг.)

²⁹ Сорга – деньги (жарг.)

– Неужели ты в это веришь? Напьются и забудут! Французам сейчас в Москве слова поперёк не скажи – захватчики!

– Эти не забудут. Там есть один, Жаком кличут. Набольший ихний – по-нашему, как бы фельдфебель. Ростом почти с меня! Выпили мы с ним и сдружились. Жак сказал: в случае чего, идите прямо ко мне, на Кузнецкий. Любого окоротим. Особливо, кто станет Мортиру с Кулевриной обижать. Так что, никто твою княгиню драгоценную не тронет, не бойся. И Тетей не даст, и солдаты понятие получили. Иди, объясни ей про новоселье, да поедем на делопроизводство. А то без нас всё разберут!

Ахлестышев набрал у буфетчика калачей, калёных яиц, печёнки и отнёс женщинам. Ольга очень ему обрадовалась. Второй день они общались только на людях, и при обстоятельствах весьма драматических. Времени объясниться, а тем более понять эти обстоятельства, у них ещё не было. Четыре месяца назад влюблённых разлучили, а потом Ольга стала княгиней Шехонской. Это сильно смахивало на предательство. Хотя Пётр склонен был понять барышню, пропасть оставалась пропастью. Узы брака, освящённого венчанием, не перешагнёшь и не объедешь сбоку. Всё переплелось и перепуталось. Как разобраться в этом? Виновата она перед ним, или нет? Могут они быть счастливы вдвоём, или всё потеряно безвозвратно? Требовалось привыкнуть друг к другу заново и потихоньку вычеркнуть старые обиды. И всё это – на краю бездны, под боком у войны. Жизнь словно пробовала молодых людей на излом. Водоворот событий нёс влюблённых против их воли – слава Богу, пока в одном направлении. Незнание, зыбкость завтрашнего дня пугала и завораживала. По городу ходила смерть. Но в эти жуткие дни, которые могли кончиться катастрофой в любой момент, Пётр и Ольга были по-своему счастливы. И хотя их счастье было похоже на картонный домик, оно всё равно грело...

Известие, что они с Евникией переезжают в обывательский дом, княгиню обрадовало. Пётр вызвал коменданта и поручил женщин его попечению. Обещал явиться в полдень на новоселье – и побежал на улицу, к другу.

Саша сидел в их вчерашнем трофее и нетерпеливо поигрывал вожжами. Знакомая буланка рванула с места, как породистый рысак. Четыре других телеги, набитые вардалаками, ехали следом. Налётчик уверенной рукой направил свой отряд вверх по Неглинной, потом свернул на Кузнецкий мост. Улица оказалась забита французами. На биваке был устроен огромный и шумный базар. Перед каждым домом возвышалась большая куча награбленных вещей – от бутылок с уксусом до мебели и пианино. Хозяин сидел на стуле и курил трубку или отхлёбывал из бутылки. И отчаянно торговался с покупателями. В толпе перемешались все мундиры Великой армии – итальянцы, вестфальцы, саксонцы, поляки, голландцы, далматинцы... В роли торговцев выступали Старая и Молодая гвардия, остальные вынуждены были покупать у них. А как оказались одеты грозные завоеватели! Они словно сошлись на маскарад. Один щеголял в гарусной шали, второй парился в собольей шубе, третий завернулся в шитый золотом халат, четвёртый напялил зачем-то поповскую рясу. Общеармейская братия толкалась, бранилась, торговалась и скупала всё без разбору. Появление колонны бородачей вызвало удивление, но никто не пытался остановить вардалаков. В одном месте Батырь остановился, соскочил с телеги и подошёл к усатому великану в мундире фланкёра Молодой гвардии, с нашивками сержант-майора.

– Жак!

Два гиганта обнялись, как добрые знакомые.

– Смотри, Жак, вот это мой лучший друг. Петь, переведи, кто ты есть!

Ахлестышев подошёл и представился.

– А теперь спроси у него, что стало с тем поляком?

– А! – отмахнулся Жак. – Отдали Легиону Вислы. И строго-настрого велели больше так не делать.

– И что же легионеры?

– А что легионеры? – удивился фланкёр. – Ежели гвардия велит, это всегда исполняется.

– Что я тебе говорил! – обрадовался Саша. – Солдаты люди с понятием. Ну, поехали!

Колонна прошла насквозь Камергерский переулок, пересекла Тверскую и свернула в Никитниковский. В воздухе сильно запахло гарью, небо затянуло густым зловещим дымом. Вдруг откуда-то сверху прямо в телегу упала горящая головня. Солома под ней сразу вспыхнула. Ахлестышев чертыхнулся и выбросил головню на мостовую.

– Однако! – только и сказал Саша-Батырь.

Оказавшись на Большой Никитской, налётчики словно переместились в другой мир. Здесь тоже кучками гуляли французы, но их уже было меньшинство. Намного больше виделось русских пехотных солдат. Целыми толпами они ходили по округе, в полной амуниции и с ружьями. Захватчики смотрели на них с недоумением, а столкнувшись лоб в лоб, уступали дорогу. Многие из пехотинцев были пьяны и тащили награбленные вещи. Но имелись и такие, что ничего не тащили, курили трубки и фланировали с видом наблюдателей. Грабежом, наряду с французами, занималась уже знакомая Ахлестышеву по вчерашнему дню чернь вперемешку с дезертирами. Отличались и подмосковные крестьяне. Эти действовали сплочёнными отрядами, разъезжая на огромных ломовых телегах, запряжённых сильными лошадьми. Крестьяне врывались во дворы, допрашивали уцелевшую прислугу, ловко находили тайники со спрятанным добром и грузили его на возы. Вооружённые топорами, они никому не уступали дорогу, и связываться с ними не решился даже Саша-Батырь. Но в конфликтах и не было необходимости: брошенных богатств хватало на всех.

Найдя особняк пофасонистей, на углу Калашного переуллка, вардалаки разделились. Несколько человек вошли через парадное, вырвав дверь лошадьё. А Саша с парой помощников, сломав калитку, начали обыскивать дворовые постройки. Ахлестышев увязался за ними.

– Во, смотри! – ухмыльнулся Батырь, зайдя в кладовую. – На дальней стене. Вишь? Штукатурка ещё не обсохла. Кругом одно и то же...

Действительно, одна из стен была побелена совсем недавно и сквозь побелку проступали сырые разводы.

– Никакой фантазии у людей! Как поняли, что Москву отдадут – слепили на скорую руку. Уложили туда стрень-брень³⁰, а сами драпанули. Тоже мне тайник, етит их через коромысло! С порога видать. Стёпка, ломай!

Плечистый Стёпка замахнулся и одним ударом кувалды проломил в стене дыру. Расширив её, Саша-Батырь пролез внутрь и стал выбрасывать спрятанные там вещи. Больше всего оказалось добротной, неношеной одежды – и мужской, и женской. Ещё обнаружили персидские ковры, большое зеркало в золочёной оправе, два серебряных блюда, сундук со столовым бельём, три хрустальных люстры и сервиз на двенадцать персон севрской работы.

– На-ка, приоденься! – Саша кинул товарищу узел с мужским платьем. – Гля, какие клёвые бандырь с комзолкой! И шкеры совсем новё.³¹ А то ходишь, что босяк...

И Ахлестышев, хоть и обещал ничего не брать, безропотно переменял одеяние.

– Зеркало Мортире подарю, – озабоченно оценивал добычу Батырь, – и лювстру одну. А тарелки брать али нет, как думаешь? Мы такими не пользуемся.

– Возьми, – посоветовал Ахлестышев. – Потом продашь. Не меньше двух тысяч ассигнациями выручишь.

³⁰ Стрень-брень – всякий хлам (народн.)

³¹ Бандырь – фрак, комзолка – жилет, шкеры – панталоны (жарг.)

– Ого! Вот и от тебя польза. Беру! А это что за кле? Непонятная хреновина, а по ней – камень-маргарит. Пошто она?³²

И налётчик показал большую плевательницу из серебра, золочёную и украшенную жемчугом.

Каторжник объяснил приятелю. Тот обрадовался: будет куда в старости плюнуть! И тоже прихватил с собой.

Пётр помог грабителям перенести находки в телегу. Ещё кое-что вардалаки обнаружили в самом особняке. Они раскладывали добычу по возам, как вдруг ставни соседнего дома разом распахнулись. Из окон вырвались саженные языки пламени, густой чёрный дым повалили вверх. Что-то лопалось и взрывалось внутри.

– Ребята, тикаем! – скомандовал Батырь. Но пробиться вперёд оказалось невозможно. У Никитских ворот полыхало сразу в нескольких местах, огненный ветер бил в лицо, обжигая кожу. Лошади заржали и стали метаться в страхе. Саша развернул отряд, и они через Большой Кисловский переулок выбрались на Воздвиженку. Тут тоже горело полдюжины домов, но искр и дыма было меньше. Вардалаки сунулись к Пашкову дому, но там всю хозяйничали шассеры³³ в зелёных эполетах. Невысокие, ловкие, они громили здание с одного конца, пока оно горело с другого. Саша полюбовался их слаженной работой и тронулся к бульварам. В конце Воздвиженки они обшарили богатую усадьбу Талызина и нашли много вина и провизии. Решив, что добычи уже достаточно, Батырь велел возвращаться домой.

По длинному Калашному переулку колонна выехала на Тверской бульвар. Здесь не замечалось ни огня, ни дыма. Русские мушкетёры толпились на тротуарах вперемешку с французами, но последних было уже большинство. Из распахнутых настежь окон домов высывались во множестве наши раненные. В грязных, окровавленных повязках, они умоляли принести им воды и хлеба. Крики этих калек, брошенных армией, сопровождали отряд и на Страстном бульваре. Вдоль улицы стояли распряжённые телеги, тоже набитые увечными солдатами. Это мобилизованные крестьяне, привезя раненных в Москву, бросили свои повозки и удрали верхом, чтобы их не привлекли вторично. Кое-где возле госпиталей суетились французские лекари. Они пытались помочь несчастным, но тех были тысячи, и французы не справлялись. Батырь правил с каменным лицом, торопясь быстрее проехать мимо. Только однажды он повернулся к Петру и сказал сильным голосом:

– Ну что я могу поделать?

– В городе разгорается большой пожар, – в тон ему ответил Ахлестышев. – Они же все сгорят!

Налётчик при этих словах ещё сильнее стегнул буланку. Они резко завернули на Петровский бульвар – и оба хором вскрикнули. Со стороны Драчёвки на слободку надвигалась сплошная стена огня.

---

³² Кле – вещь (жарг.) Камень-маргарит – жемчуг, перламутр (народн.)

³³ Шассеры – егеря.

Глава 4 «Московский апокалипсис».

Держась правой стороны бульвара, закрыв лица полами одежды, вардалаки долетели до Трубной площади и свернули на Неглинную. Их встретили несколько десятков обитателей Волчьей долины. С баграми и топорами, а также полными кадучками воды, они готовились к встрече с огнём. Распоряжался всем Тетей.

Вернувшиеся налётчики тоже встали в цепь. Жар приближающегося огня нарастал. На слободку непрерывно падали сверху горящие доски и головни. К ним тут же подбегали, набрасывали кошму или заливали водой. На той стороне площади то тут, то там, как спички, вспыхивали дома. В Драчёвке было совсем плохо – она погибала. Закопчённые, в обгорелой одежде, оттуда бежали люди. Кто-то тащил узлы с вещами, но большинство не успело схватить и самого необходимого. Между Трубой и Сретенкой – множество переулков, застроенных деревянными домами непритязательной архитектуры. Все они сейчас были обречены. Несчастные погорельцы добежали до Неглинной и здесь переводили дух. Иные падали без сил, от отчаяния и горя. Всюду стоял плач; люди наперебой рассказывали друг другу об ужасах пожара...

По счастью, ветер дул с юго-запада. Зловонное болото – беда Трубной площади – представляло для огня некоторое препятствие. Кроме того неподалёку, у Рождественской, находился бассейн от Мытищинского водовода (местные жители называли его – «басейня»). Этот источник был теперь очень кстати, поскольку в изобилии поставлял воду для тушения. Саша-Батырь принялся энергично распоряжаться. Добычу со всех телег сложили в каменную кладовую, закопанную в землю по крышу. Туда же аборигены Волчьей долины спешили укрыть самое ценное из домашнего скарба. Уголовные проявили высокую степень организованности. Были заведены дежурства – люди сменялись каждые два часа. На случай бегства стояли наготове запряжённые телеги. Во дворах запасли бочки и вёдра с водой. Но опасность, наползающая с севера, казалась неодолимой.

Неожиданно в начале Неглинной появилась большая колонна французов. Всмотревшись, Ахлестышев не поверил глазам. Целая рота сапёров с топорами на длинных рукоятках спешила на выручку слободе. Впереди, возвышаясь над товарищами подобно голубятне, шёл сержант-майор Жак и кричал:

– Мортира! Кулеврина! Саша! Мы идём!

Рослые бородатые мужики в длинных кожаных фартуках и белых крагах сразу внесли успокоение в ряды обывателей. Только сапёрам во всей Великой армии разрешалось носить бороду, и это делало их похожими на русских. Люди увидели, что пришла помощь, и повеселели. В рядах французов тут же обнаружилась Мортира Макаровна. Выяснилось, что многих она уже знает по именам! Послышался хохот, полетели солёные, но добродушные шутки. Сапёры щипали сочную девку за пышные формы и улыбались до ушей. Ай да Мортира!

Жак подошёл и пояснил Ахлестышеву с Батырем:

– Дивизия Роге, к которой я имею честь принадлежать, получила приказ защищать Французский квартал.

– Это где такой в Москве? – изумился налётчик.

Пётр расспросил унтер-офицера и выяснил, что в понятие «Французский квартал» входили площадь у Владимирских ворот Китай-города, Лубянка, Мясницкая и Кузнецкий мост с прилегающими переулками. Но Жак с приятелями самовольно расширили географию опекаемого района. С целью защитить Мортиру Макаровну с Кулевриной Степановной! И вот сапёры Молодой гвардии явились на помощь Волчьей долине...

Ситуация стала выправляться. Ветер утих, пламя отступило от бульваров и ушло вглубь Драчёвки. Пётр решил, пока спокойно, найти Ольгу. С помощью Тетей он разыскал

дом в Нижнем Кисельном переулке, и стукнул в левую половину. Послышался робкий голос Евникии:

– Кто там?

Через минуту Пётр уже обнимал княгиню Шехонскую.

Выяснилось, что женщины устроились по нынешним временам неплохо. Однако пожар на соседних улицах сильно их напугал. Ольга стала уговаривать Ахлестышева перевезти их в Замоскворечье. Там, на краю города, у Серпуховской заставы жили родители Евникии. Место было глухое, далёкое от богатых усадеб и, значит, не интересное мародёрам. Да и покинуть при случае Москву оттуда легче.

Пётр выслушал просьбу и задумался. Конечно, рота сапёров с топорами сейчас никому не лишняя. Но это инициатива самих солдат. Пожар, похоже, будет разрастаться. Когда вспыхнут генеральские квартиры на Лубянке, никто не позволит сапёрам отвлекать силы на защиту проституток. Надо уходить за реку, пока можно.

Он послал камеристку за Сашей, и влюблённые впервые за это время остались одни. На четверть часа Пётр забыл о французах, пожаре и почти неминуемой гибели... Но потом явился Батырь, и не один – он привёл с собой Жака. Мужчины устроили военный совет.

Фланкёр тут же выложил плохую, но ожидаемую новость: сапёрам велено вернуться в полк. Ахлестышев познакомил француза с княгиней, одной фразой обозначил своё отношение к ней и затем сказал:

– С вашим уходом гибель Волчьей долины неизбежна. Я опасаясь за женщин. Надо увезти их в безопасное место, такое, как окраина Замоскворечья.

– Соглашусь, – ответил Жак, – но доехать туда вам не дадут. Вышел приказ: реквизировать у русских всех лошадей. Первый же патруль вас остановит и высадит.

– До Серпуховской заставы почти десять вёрст. В городе пожары, грабежи, мародёрство. Мы не дойдём дотуда живыми.

Жак задумался.

– Я не могу выделить вам конвой. Ни начальство, ни солдаты не поймут этого. Заботу о Мортире поймут, а на русскую княгиню им, извините, плевать. Но можно сделать иначе. Вы, Пьер, говорите по-французски лучше многих парижан. Я выдам вам запасной комплект обмундирования фланкёрского полка и снабжу бумагой за своей подписью. Что рядовой такой-то выполняет приказ ротного командира. И вы попытаете пробраться через посты. Как? Шансы есть – автограф Жака Анжильбера кое-что значит в Великой Армии.

Идея пришлась всем по вкусу. Саша вызвал коменданта слободки и сказал, что отлучится до вечера. Довезёт товарища с женщинами до места, убедится, что там безопасно, и вернётся. Затем начались сборы. В телегу сложили баул с вещами и немного провизии. В сопровождении сержант-майора они поехали на Лубянку. Жак приказал каптенармусу принести обмундирование и штатное оружие со снаряжением. В этом году армия перешла на мундиры нового образца – с короткими фалдами и закрытым жилетом. Однако пошить их не успели, и большинство армейцев ходили в старых мундирах: с длинными фалдами и с жилетом наружу. Такой и достался Петру. Затем Жак выписал пропуск. В нём было указано, что рядовой Пьер Баккара выполняет приказ начальства по сопровождению троих русских. Беглецы уже садились в телегу, когда унтер-офицер сказал в спину Ольге:

– Не проклиняйте нас, мадам. И храни вас Бог...

Княгиня живо обернулась.

– Я не проклинаяю вас, мсьё Анжильбер, я вам благодарна!

– Но я же всё вижу! И понимаю ваши чувства. Да, французы явились сюда без приглашения. Но мы всего-навсего солдаты и выполняем приказ. Когда всё это закончится, приезжаете ко мне в Вогезы. Там есть маленький городок Баккара. Именно в честь него ваш друг получил свою новую фамилию. Я буду рад принять вас, и моя жена тоже. Договорились?

– Договорились, – кивнул Ахлестышев. – И пусть Бог хранит также и вас. Лично вам я желаю благополучно пересечь Неман. В обратном направлении. Это удастся не всем.

– Вы полагаете? – нахмурился Жак.

– Убеждён.

Сержант-майор с чувством пожал руки мужчинам, поклонился женщинам, и телега пустилась в опасное путешествие.

Сразу встал вопрос, как пробиваться к Серпуховской заставе. Самым коротким был путь через Зарядье и Москворецкий мост. Но в Китай-городе во множестве квартировали французы, и можно было нарваться на придирчивый патруль. Объезжать через Чистые пруды и Покровский бульвар тоже казалось опасным. На востоке полыхало уже всё: Лафертово, Рогожа, Таганка. Оставалась дорога через Охотный ряд и Моховую на Каменный мост. Так и порешили. Батырь сел за возницу, за ним устроились дамы, Ахлестышев в обнимку с ружьём поместился сзади всех.

Как только они свернули на Кузнецкий мост, стало ясно, что и здесь дела плохи. Горело сразу несколько магазинов. Гвардейцы усердно их тушили, но исход поединка с огнём был неясен... Саша завернул в Камергерский и остановился у ворот Георгиевского монастыря. Он решил проведать тётку, живущую здесь в прислугах. Крохотный монастырь, со всех сторон зажатый переулками, поразил тишиной. Прямо перед собором Святого Георгия лежал без дыхания пожилой бородач в исподнем, с разбитым в кровь лицом. Налётчик всмотрелся в него и ахнул.

– Это ж настоятель, отец Феофан! Кто его так?

– Хранцузы, мил человек, – пояснила какая-то старуха в чёрном, с ненавистью косясь на одетого в синий мундир Ахлестышева.

– Да за что?

– А он утварь скрыл и селебряные оклады, какие были. И не хотел сказывать, куда.

– Ну, скрыл. А дальше-то чего?

– До смерти забили.

Батырь поперхнулся.

– Французы? Настоятеля?

– Они, милоч. Сущие звери. Прямо на амвоне замучили, потом уж мёртвого сюды сволокли и бросили. Его и дьякона. Дьякон-от, можа, ещё отойдёт, он молодой. А отец Феофан преставился.

– Выдал он тайник или нет, бабушка?

– Не выдал, молчал, за то и смерть принял мученическую. Осерчали очень хранцузы на его нежелание. И дьякон не сказал, хотя тоже знал.

– Так и не нашли?

– Сыскали, окаянные. Кто-то другой шепнул. Подсмотрел, али как... А отец Феофан...

Тут бабка шмыгнула носом и отошла в сторону.

– Эвона что... – сжал огромные кулаки Батырь. – Значит, не все французы, как Жак. Не все... Бабка!

– Здеся я, милоч! – выскочила вперёд старушка.

– А остальные где? Тётка Лукерья моя где? Чё тут у вас пусто?

– Убёгли, как началось. Из русских тока я. Ночью хочу схоронить отца Феофана. Помог бы ты мне, а? Одна-те я не сдюжу.

– Погоди! Из русских только ты, а из нерусских кто?

– Да вы же мимо прошли! Там один, рыжий, мясо рубит. На образе.

– На образе – мясо? Покажи-ка мне его!

– Вон того дома насупротив. Сходи, и увидишь.

Батырь выбежал за ворота и опешил. На мостовой рыжий фузилёр разделявал тесаком баранью ногу, положив её на икону. Лицо налётчика потемнело и сделалось страшным. Француз обернулся и сказал небрежно:

– Рюс, пшэль! Эй!

Саша приблизился, занёс кулак. Рыжий смотрел на него снизу вверх с высокомерным недоумением. Раз! Что-то хрустнуло, то ли шея, то ли череп, и мародёр растянулся на тротуаре. За Сашиной спиной вдруг появился второй фузилёр. Выхватив тесак, он бесшумно подкрался и замахнулся. Батырь не видел опасности – он подобрал икону и вытирал её полой армяка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.